

О семантике спецификации (на материале русского и итальянского языков)*

© 2018

Ольга Инькова^{а, б, @},
Эмилио Манзотти^{а, в}

^а Женевский университет, Женева, 1211, Швейцария; ^б Институт проблем информатики ФИЦ ИУ РАН, Москва, 119333, Российская Федерация; ^в Университет итальянской Швейцарии, Лугано, Швейцария; [@] olga.inkova@unige.ch

В статье рассматривается отношение спецификации в высказывании и тексте. Авторы предлагают, прежде всего, различать два его проявления: *in praesentia* и *in absentia*, что позволяет провести границу между двумя типами спецификации: интенциональной и экстенциональной. Реализация первой из них возможна только *in praesentia*. На основе анализа показателей спецификации в русском и итальянском языках в рамках экстенциональной спецификации выделяются затем два ее вида: частичная и исчерпывающая спецификация, а в рамках первой — четыре подвида: а) выбор релевантного элемента, б) дифференцированный выбор, в) экземплификация и г) конкретный случай. В рамках интенциональной спецификации различаются два вида: а) конкретизирующее уточнение и б) собственно уточнение. Проведенный анализ позволяет отнести спецификацию, как и симметричную ей генерализацию, к группе мерологических отношений.

Ключевые слова: итальянский язык, логико-семантические отношения, русский язык, семантика, спецификация

On the semantics of specification (a contrastive analysis of Russian and Italian)

Olga Inkova^{а, б, @}, Emilio Manzotti^{а, в}

^а Université de Genève, Geneva, 1211, Switzerland; ^б Institute of Informatics Problems of the FRC CSC, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119333, Russian Federation; ^в Università della Svizzera Italiana, Lugano, Switzerland; [@] olga.inkova@unige.ch

The article deals with the logical-semantic relation of specification within the sentence and more generally in discourse. The authors propose as a first step a distinction between two classes of its manifestations: *in praesentia* and *in absentia*, and consequently between two semantic types of specification: intensional and extensional. The realization of the former is possible only *in praesentia*. On the basis of the analysis of specification markers in Russian and Italian, two types of extensional specification can be further distinguished: partial and exhaustive specification, plus four subtypes of the former: a) choice of a relevant element, b) differential choice, c) exemplification, and d) specific case or element. Within the intensional specification, two subtypes are here recognized: a) elaborate precision and b) precision *sensu stricto*. The analysis carried out thus allows the authors to propose a fully-fledged classification of the relation of specification and to ascribe it, together with the (symmetric) relation of generalization, to the group of mereological discourse relations.

Keywords: Italian, logical-semantic relations, Russian, semantics, specification

* Исследование выполнено в ИПИ ФИЦ ИУ РАН в рамках проекта «Логическая структура текста: контрастивный анализ показателей логико-семантических отношений в русском, французском и итальянском языках», поддержанного РФФ (грант № 16-18-10004).

1. Вводные замечания: постановка вопроса

Настоящее исследование посвящено «грамматике»¹ одного из основных способов построения текста, а именно переходу на оси вертикальных отношений между высказываниями или блоками высказываний, от общего **А** к частному **В**. При этом **А** и **В** могут быть выражены в тексте эксплицитно (контактно или дистантно), или же **А**, к которому отсылает **В**, может 'присутствовать' в тексте имплицитно и быть восстановлено благодаря **В**. Иными словами, речь пойдет о том, что в риторической традиции принято называть специфицирующей синекдохой, как синтагматической, так и сентенциальной.

В качестве эмпирического материала для исследования послужили данные русского и итальянского языков, на что есть несколько причин. Во-первых, итальянский язык, в отличие от русского, располагает термином для данного способа построения текста, принадлежащим к одному словообразовательному гнезду со словом «частное»: «particolare» — «particolarizzazione». Термином, который, на наш взгляд, наиболее точно соответствует ему в русском языке, может считаться «спецификация» (ср. англ. «specification», также, в отличие от русского языка, сохраняющего словообразовательную связь с прилагательным *specific*). Во-вторых, как мы увидим, итальянский язык обладает богатой парадигмой средств выражения спецификации, лексически фиксирующих разные ее виды. Русский язык менее последователен и более беден в этом отношении, особенно в некоторых видах спецификации. Наконец, сопоставительная перспектива исследования позволяет посмотреть на изучаемые языковые и текстовые явления «глазами» другого языка и увидеть то, что зачастую остается скрытым в рамках анализа одного конкретного языка.

Примеры для исследования заимствованы преимущественно из основного и параллельного русско-итальянского корпуса [НКРЯ], а также из корпуса итальянского языка Университета Перуджи (Италия): Perugia corpus [ПЕС].

1.1. Синекдоха в риторической традиции

В риторической традиции синекдохи, при которых происходит расширение или, наоборот, сужение значения слова, как известно, рассматриваются в разделе *Elocutio* в части, посвященной украшениям стиля (*Ornatus*). При этом различаются — здесь мы опираемся на авторитетную работу Х. Лаусберга [Lausberg 1990] — украшения стиля, которые могут быть реализованы *in verbis singulis* (тропы слов, *figurae verborum*), и те, которые реализуются *in verbis coniunctis* (тропы предложений, *figurae sententiarum*).

1. Синекдоха, реализуемая *in verbis singulis*, может быть в свою очередь следующих трех видов [Ibid.: §573]:

— *genus pro specie vs. species pro genere*, родовое название используется вместо видового (*смертный* вместо *человек*) или видовое название используется вместо родового (Пуще всего береги *копейку*. Н. В. Гоголь);

— *totum pro parte vs. pars pro toto*, целое называет часть (*Италия* выиграла со счетом 2:0) или часть называет целое (— Эй, *борода!* А как проехать отсюда к Плюшкину? Н. В. Гоголь);

— *pluralis pro singulari vs. singularis pro plurali*, множественное число использовано вместо единственного (Мы все глядим в *Наполеоны*. А. С. Пушкин) или единственное число использовано вместо множественного (*Швед, русский* колет, рубит, режет. А. С. Пушкин);

Строго говоря, в рамках синекдохи *in verbis singulis* необходимо проводить различие между а₁) синекдохами в лексике, то есть отношениями между лексемами (например, отношения в паре таких слов, как *цветок* и *роза*); и а₂) синекдохами между членами предложения, а точнее, высказывания, в частности между именными группами (ИГ), для которых

¹ В том смысле, который этому термину придавали применительно к анализу текста [Москальская 1981; Николаева 2012; Weinrich 1993].

важно помимо интенционала учитывать также и референцию-экстенционал (ср. разную степень приемлемости *Подари ему какую-нибудь книгу; например, триллер* — **Подари ему эту книгу; например, триллер*).

В рамках нашего исследования нас будет интересовать синекдоха первого вида, а в нем — специфицирующая синекдоха (*species pro genere*).

2. Синекдоха, реализованная *in verbis coniunctis*, то есть на фразовом уровне, — фигура мысли, *Gedankenfigure* [Lausberg 1990: 309]. В нашем случае специфицирующая синекдоха замещает положение вещей, описанное одним высказыванием (например, *Наступил вечер*), реже несколькими высказываниями, одной или несколькими его ‘детальными’, выраженными в пропозициональной форме, как это сделано, например, в (1):

- (1) Из городского кино долетала заглушенная музыка. В домах зажигались огни. Самоварный дымок висел над садами [К. Г. Паустовский. Золотая роза (1955)].

Как в случае 1, так и в случае 2 речь идет, однако, о (риторическом) замещении в рамках некоторой парадигмы, узнаваемом по большему или меньшему нарушению языковой денотативной нормы: вместо слова или «мысли» А используется — более или менее необычно — слово или «мысль» В.

1.2. Спецификация как способ построения высказывания и текста и как логико-семантическое отношение

Спецификация как способ построения отдельного высказывания и текста является, наоборот, переходом от высказываний, в той или иной степени обобщенных, к высказываниям, имеющим более конкретную семантику, а также результатом этого перехода; ср. (2) в отличие от (1), а также (3):

- (2) Наступал вечер; на землю спускались сумерки; в домах зажигались огни [М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши (1863–1874)].
- (3) Впрочем, я и сейчас не знаю многих его возможностей. А тогда и вовсе ни в чём не разбирался. *Например*, я по простоте душевной думал, что тексты, вывешенные на всеобщее обозрение, никаким дальнейшим изменениям не подлежат [Запись LiveJournal (2004)].

В (2) присутствует как общее высказывание (*Наступал вечер*), так и специфицирующие его высказывания. В (3), где спецификация осуществляется с помощью примера, говорящий делает переход от утверждения общего характера А (*я вовсе ни в чём не разбирался*) к одному, частному, случаю В: ошибочному мнению говорящего о невозможности изменять опубликованные тексты.

Если для симметричного спецификации отношения генерализации виды его реализации сводятся, в основном, к двум — интенциональной генерализации, то есть повышению уровня абстракции, и экстенциональной, или квантифицирующей, генерализации, то есть увеличению числа охваченных данным обобщением предметов или ситуаций [Инькова 2017; Manzotti 2015], то спецификация допускает в рамках этих двух основных способов осуществления еще значительное количество подвидов: частный случай, пример, простой или скалярный выбор и др., выраженные разнообразными показателями или без их помощи.

- (4) Из бесчисленных исповедей и самоанализов узнаешь, что написать гениальное произведение — дело почти всегда неимоверно трудное. Всё против того, чтоб оно вышло из-под пера полным и невредимым. Обычно материальная сторона против. Собаки лают, люди вмешиваются, деньги нужно делать, здоровье ни к черту [В. Вульф. Своя комната. (Н. И. Рейнгольд)].

Так, в отрывке (4) в последней фразе имеются четыре частных случая (никак не маркированных) положения вещей, описанного в предыдущей фразе, которую можно, в принципе, уже считать частным случаем положения вещей, описанного во второй фразе. Но если мы поставим перед этими четырьмя частными случаями такие показатели, как *например*, *а именно* или *особенно*, то мы получим другие виды спецификации с разными семантическими оттенками.

Что касается места спецификации в системе логико-семантических отношений, то ей повезло больше, чем генерализации, как правило, отсутствующей в классификациях (см. обзор проблематики в [Инькова 2017]). Описаны и некоторые из ее многочисленных показателей (см., например, для русского языка соответствующие статьи в [ССС], статью *включая* в [Breindl et al. 2014]; для итальянского [Manzotti 1993; 1995]; для французского [Anscombre 1996; 2001; Borillo 1996; Crévenat-Werner 2003; Hermoso Mellado-Damas 2015; Vázquez-Molina 2013; Vergez-Couret 2009; 2013]; для испанского [Sainz 2012]).

Однако в существующих классификациях наблюдается некоторая противоречивость как в терминологии, так и в месте, отводимом спецификации в системе логико-семантических отношений.

В русской грамматической традиции, прежде всего, в [РГ-80, 2: §2084], спецификация рассматривается в рамках пояснительных отношений, которые делятся в свою очередь на собственно пояснение, включение и уточнение. Показатели спецификации оказываются в первых двух видах: например, *а именно* — в собственно пояснительных отношениях (хотя и говорится о его конкретизирующей функции) вместе с показателями переформулирования (*по-другому*, *иными словами* и др.); *особенно*, *например*, *в частности*, *точнее* — в отношении включения, понимаемого как отношение общего и частного. Для уточнения, определяемого как «сужение, ограничение объема означаемого» [Там же: §2089], показатели не даны, а из примеров можно заключить, что оно, как правило, немаркировано.

В наиболее распространенной классификации, сделанной в рамках теории риторической структуры (rhetorical structure theory, TPC/RST, см. подробнее: <http://www.sfu.ca/rst/index.html>), спецификация находит место в группе отношений, касающихся содержания текста и устанавливаемых, следовательно, на пропозициональном уровне (subject matter relations), соответствуя, по-видимому, двум видам отношения детализации (elaboration): от абстрактного к конкретному (abstraction: instance) и от общего к частному (generalization: specific). Сюда же могут быть причислены отношения «множество — элемент», «целое — часть», «процесс — этап», «предмет — атрибут». Перед нами предстает, таким образом, довольно разнородная группа отношений, объединенных на основе того, что второй фрагмент текста дает некоторую дополнительную информацию о первом; см. анализ в [Inkova 2017].

В других классификациях, например, в используемой при формировании Penn Discourse Treebank (см. подробнее [Prasad et al. 2008]), спецификация находится вместе с отношениями генерализации и эквивалентности в группе отношений переформулирования (restatement), то есть отношений, касающихся формы высказывания и устанавливаемых на металингвистическом уровне (ср. место отношения restatement в TPC). Такое же место отводится спецификации в классификации, предложенной для анализа коннекторов немецкого языка [Breindl et al. 2014: 1140]. Показатели спецификации считаются, в терминологии авторов, «метакоммуникативными коннекторами» наряду с показателями переформулирования (*anders gesagt* 'иначе говоря'), идентификации (*das heißt* 'то есть'), генерализации (*allgemeiner gesagt* 'вообще говоря') и резюмирующих коннекторов (*mit einem Wort* 'одним словом'). Показатели спецификации составляют, однако, очень незначительную группу в данной классификации, включающую только *besser gesagt* 'лучше сказать', *genau genommen / gesagt*, *genauer* 'точно / точнее говоря' и *im Klartext* 'выражаясь яснее', и, на наш взгляд, осуществляют не столько спецификацию, сколько переформулирование, особенно *besser gesagt* и *im Klartext*. А вот показатели уточнения (*nämlich* 'а именно') и экзemplификации (*zum Beispiel* 'например') находятся в другой группе метакоммуникативных коннекторов — таких, которые связаны с оптимальным функционированием сообщения. Такое

разделение не представляется нам оправданным, поскольку уточнение и экземплификация также основаны на переходе от общего к частному, то есть на том общем механизме, который характеризует отношение спецификации в нашем представлении.

Подводя итог сказанному, заметим, что ни тот, ни другой подход, то есть решение о пропозициональном или металингвистическом характере спецификации, не лишен основания, поскольку, как будет показано, спецификация может осуществляться на всех уровнях: пропозициональном, металингвистическом, но также и иллокутивном. В следующих разделах мы рассмотрим способы реализации спецификации, ее виды и арсенал средств, которыми располагает итальянский и русский языки для их выражения.

2. Семантические структуры, в которых реализуется спецификация. Интенциональная и экстенциональная спецификация

2.1. Множество A , к которому принадлежит частный случай B , или общее понятие A , к которому можно возвести частное понятие B , эксплицитно названы в тексте

2.1.1. A, B , где либо A и B являются именными группами такими, что A ($ИГ_1$) является более общим обозначением некоторого объекта, а B ($ИГ_2$) — более частным, специфичным его наименованием; либо A ($ИГ_1$) обозначает множество элементов $\{x_i\}$, к которому принадлежит элемент x_k , описанный B ($ИГ_2$).

- (5) Он позвонил в дверь и был с *цветами, розами* [Людмила Улицкая. Цю-юрих // «Новый Мир», 2002].
- (6) Показания эти, как и их предыстория, заслуживают, возможно, отдельной *книги* — *романа-триллера*, не меньше, — а пока я попытаюсь рассказать о них в нескольких абзацах [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)].

За описанием общего, родового характера A — во множественном числе *цветы* (5) и в единственном числе *книга* (6) — следует наименование более частного характера: вид цветов — *розы* — в (5) и жанр книги — *роман-триллер* — в (6). Такая структура характерна для интенциональной спецификации: описание частного характера B увеличивает интенционал A , но не затрагивает экстенционал A , поскольку как общее, так и частное наименование отсылают к одному и тому же референту.

Между $ИГ_1$ и $ИГ_2$ нет никакого показателя семантического отношения, при этом $ИГ_2$ представляет собой отдельную коммуникативную единицу, что обозначено на письме запятой, двоеточием или тире, как в (6)–(7) или (10) ниже. $ИГ_2$, которая может представлять собой одну или несколько $ИГ$, связанных между собой союзной или бессоюзной связью, является с синтаксической точки зрения приложением $ИГ_1$.

Экстенциональная спецификация, то есть такая семантическая структура, где A ($ИГ_1$) обозначает множество элементов $\{x_i\}$, к которому принадлежит элемент x_k , описанный в B ($ИГ_2$), возможна в аппозитивных структурах только при исчерпывающем перечислении элементов, составляющих множество $\{x_i\}$; ср. (7) и его трансформации (8) и (9).

- (7) Написал *около сотни книг* — *романов, новелл, беллетризованных биографий и пьес* [Джин Вронская. Вид на Пантеон (2003) // «Совершенно секретно», 2003.05.05].
- (8) Написал *около сотни книг, романов*.
- (9) Написал *около сотни книг, в том числе романы*.

В (7) *около сотни книг* задает множество элементов $\{x_i\}$, к которому принадлежат элементы x_1, x_2, x_3, x_4 , описанные после тире и составляющие это множество. В (8) *около сотни*

книг — *романов* будет понято как то, что все написанные книги являются романами, то есть спецификация становится интенциональной, а в (9) спецификация, благодаря *в том числе*, снова превращается в экстенциональную: *романы* являются одним из элементов множества *около сотни книг*.

Заметим, что сами по себе аппозитивные структуры с бессоюзной связью могут иметь самые разные интерпретации: идентификация, переформулирование, экземплификация, пояснение и др. (см., типологию в [Meurer 1992; Blakemore 1996]), а интерпретация каждой конкретной структуры зависит от семантического соотношения компонентов, образующих аппозитивную структуру. Так, в одном высказывании могут присутствовать аппозитивные структуры с разной семантикой.

(10) И уже после этого, почувствовав, что ему опять хочется видеть ее, и с каждым днем все сильнее и сильнее, он решился — как будто вступал в новую жизнь — и купил *цветы: розы, три розы цвета бордо, почти черные, и четыре сливочно-белые*, — *свой первый букет* и то, как Наташа ему обрадовалась, он помнил до сей поры, — и поехал к Наташе [Сергей Бабаян. Господа офицеры (1994)].

В (10) первая структура *цветы: розы* представляет собой интенциональную спецификацию, следующая за ней — *розы, три розы цвета бордо, почти черные, и четыре сливочно-белые* — экстенциональную спецификацию через исчерпывающее перечисление, а затем ИГ *свой первый букет* находится в отношении идентификации с ИГ *цветы* и специфицирующими ее ИГ.

2.1.2. А пс В, где *A* и *B* являются ИГ, связанными показателями спецификации (ПС). Как и в предыдущей семантической конфигурации, здесь возможны оба вида спецификации: интенциональная спецификация, при которой *A* (ИГ₁) является более общим обозначением некоторого объекта, а *B* (ИГ₂) — более частным, специфичным его наименованием; и экстенциональная спецификация, при которой *A* (ИГ₁) обозначает множество элементов $\{x_i\}$, к которому принадлежит элемент x_n , названный *B* (ИГ₂). Однако при наличии ПС снимается ограничение на ее реализацию при помощи исчерпывающего списка: *B* может содержать лишь один из элементов, принадлежащих множеству $\{x_i\}$; ср. (7) и (9) выше.

Выбор интерпретации семантической структуры **А пс В** зависит от семантики ПС, которые имеют более или менее явно выраженные семантические различия и, как будет показано ниже, далеко не всегда взаимозаменяемы. Здесь отметим только, что многие из ПС допускают преобразование бессоюзных синтаксических структур в союзные, как правило, в сочетании с союзами русск. *и* / итал. *e* (11), русск. *как* / итал. *come*, русск. *или* / итал. *o*, *oppure* или русск. *а* (12).

(11) *Ti domandavo su come vivono a valle, perché meditavo oggi in biblioteca sulle prediche alle donne di Umberto da Romans, e in particolare su quel capitolo “Ad mulieres pauperes in villulis”* [Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)].

Я не случайно спрашиваю о довольствии здешних крестьян. Сегодня утром в библиотеке я размышлял над «Проповедями для женского пола» Умберта Романского, и в частности над главой «О неимущих поселянках» [Умберто Эко. Имя розы (Е. Костюкович, 1989)].

(12) Правда, со стороны моей мамы мы имеем легкое касательство не только к личному и потому маловнушительному дворянству ее деда, но также через весьма запутанную систему связей и своячениц, а точнее, через довольно красочный род Кьяндских, к русской культуре [Виктор Ерофеев. Хороший Сталин (2004)].

Кроме того, место ПС может меняться по отношению к ИГ₂: ПС может либо находиться между ИГ₁ и ИГ₂, как в приведенных выше примерах, либо быть в постпозиции по отношению к ИГ₂; ср. итальянский оригинал в (13) и (15).

- (13) Per questo poi le città hanno favorito gli ordini mendicanti e noi francescani *in particolare* [Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)].
Потому-то города и городские власти благожелательно отнеслись к скитальческому монашеству и [в частности] к нам, францисканцам [Умберто Эко. Имя розы (Е. Костюкович, 1989)].

2.1.3. A пс B , где A вводит положение вещей p , а B — положение вещей p_k , такие, что p_k является одной из возможных реализаций p ; иными словами, положение вещей p_k принадлежит множеству возможных реализаций p $\{p_i\}$, описанному в A .

- (14) Десятка полтора котов, иногда в сильно изуродованном виде, были доставлены в отделения милиции в разных городах. *Например*, в Армавире один из ни в чем не повинных котов был приведен каким-то гражданином в милицию со связанными передними лапами [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929–1940)].

В (14) обобщенное благодаря числительному *десятка полтора* и повторяющееся (*иногда*) положение дел p , описанное в A , специфицируется через его частное проявление p_k , имеющее место с «одним ни в чем не повинным» армавирским котом, описанное в B .

2.1.4. A пс B , где A является речевым актом (утверждения, просьбы, совета и др.), а B вводит положение вещей p_k , являющееся частным случаем положения вещей p , описанного при помощи речевого акта A . При этом B служит для обоснования истинности утверждения, сформулированного в A , облегчения достижения коммуникативной цели речевого акта A и др. Так, в (15) $B = \text{цветы купи ей}$ облегчает реализацию совета, данного моллоду человеку, не знающему, «как влюбить в себя девушку, которая не обращает на тебя внимания?»:

- (15) начни с подарков))) цветы купи ей *например* [<https://otvet.mail.ru/question/5928835>; дата обращения 09.09.2017]

2.2. Множество, к которому принадлежит частный случай B , является имплицитным

2.2.1. A пс B , где A вводит положение вещей p , которое может реализовываться с разными участниками (выраженных актантами) и при разных обстоятельствах (выраженных сирконстантами), образующих множество $\{x_i\}$, а B , имеющее непропозициональную форму, вводит актанта или сирконстант x_k , идентифицирующий частное проявление положения вещей p . В отличие от предыдущих случаев, x_k принадлежит множеству $\{x_i\}$, лишь предполагаемому обобщенным положением вещей p , описанным в A .

- (16) Николай Петрович втихомолку ломал себе руки, а Павел Петрович смеялся, шутил, *особенно* с Базаровым [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1860–1861)].

В (16) обобщенное положение вещей p , описанное в A : *Павел Петрович смеялся, шутил*, специфицируется в B при помощи введения одного его из участников с *Базаровым*; причем это частное проявление B считается говорящим наиболее частой реализацией положения вещей p в описываемой ситуации, о чем говорит *особенно*. Актанты и сирконстанты, специфицированные в B , не входят в обязательную валентность предиката в A , что и позволяет интерпретировать описанное в нем положение дел как обобщенное (ср. конфигурацию 2.2.3 ниже).

2.2.2. D пс B , где D вводит положение вещей p , которое может быть реализовано в разных обстоятельствах, а B — положение вещей p_k , принадлежащее к имплицитному множеству обстоятельств $\{p_i\}$, в которых реализовано положение вещей p , описанное в D .

- (17) Il sito era fonte di grandi soddisfazioni per lui, *soprattutto perché* gli permetteva di confrontarsi con i lettori, di sondarne immediatamente le reazioni [PEC: Roversi, Blue tango (2006)] ‘Сайт был для него источником большого удовлетворения, *особенно потому, что* позволял ему сравнить свои мнения с мнениями читателей, сразу узнать их реакцию’ (здесь и далее перевод наш. — О. И., Э. М.).

В (17) p_k является одной из причин, по которой сайт был «источником большого удовлетворения».

Отличие данной семантической структуры от семантической структуры 2.2.1 заключается в том, что обстоятельство реализации положения вещей p всегда имеет пропозициональное содержание.

2.2.3. $pc B$, где имеющее непропозициональную форму B вводит один из элементов x_k множества $\{x_i\}$, которое эксплицитно не названо в тексте.

- (18) Иногда я во сне покушаюсь на убийство. Но знаете, что случается? Держу, *например*, пистолет. Целью, *например*, в спокойного врага, проявляющего безучастный интерес к моим действиям [Владимир Набоков. Лолита (1955–1967)].

В (18) ПС *например* в двух случаях вводит один из элементов имплицитного множества $\{x_i\}$. В первом случае *пистолет* принадлежит к множеству орудий убийства; во втором — элемент *спокойный враг* принадлежит к множеству объектов, в которые можно целиться, чтобы совершить убийство. Но сами эти множества не эксплицированы в тексте.

Такая семантическая структура имеет место, когда специфицирующий фрагмент B заполняет обязательную валентность предиката содержащего его предложения. В отличие от конфигурации 2.2.1, где фрагмент текста A , предшествующий ПС, является законченным по смыслу и может быть интерпретирован как описывающий некоторое положение вещей, в данной семантической структуре фрагмент текста, предшествующий ПС, до момента введения актанта или сирконстанта является семантически не законченным. Следовательно, он самостоятельно не может отсылать к множеству возможных реализаций некоторого положения вещей, не являясь таковым.

2.2.4. $D pc B$, где D является законченным высказыванием, описывающим некоторое положение вещей p , B описывает положение вещей p_k , входящее в имплицитное множество A положений вещей $\{p_i\}$, более или менее связанных с p , которые могли бы быть упомянуты для продолжения сообщения.

- (19) Это новый член почтенного и древнего (120 с лишним лет, *между прочим!*) рода водок «Абсолют» [Юрий Зубцов. Чем пахнет январь (2002) // «Домовой», 2002.01.04].

В (19) говорящий — во вставочном предложении B , что и позволяет говорить о семантической законченности D , — уточняет один из элементов сообщения D : понятие *древний*, квантифицируя его. Это одна из деталей, которыми можно дополнить сказанное в D (можно было бы уточнить какой-то другой элемент содержащейся в нем информации). Кроме того, и само понятие *древний* могло бы быть уточнено по-разному: можно было бы, например, сказать, что первая бутылка была выпущена в таком-то году.

2.2.5. $D pc B$, где D является речевым актом (утверждения, просьбы, совета и др.), B вводит положение вещей p_k , входящее в имплицитное множество A положений вещей $\{p_i\}$, которые могли бы быть упомянуты для обоснования речевого акта D .

- (20) Хирургия голыми руками — это поистине народная медицина, *в частности*, потому, что не предполагает какой-то заранее оговоренной платы [В. В. Овчинников. Калейдоскоп жизни (2003)].

(21) Но мне так интересно! Фрейлейн Пфуль, можно я тоже побуду? Ну пожалуйста! Я, *между прочим*, такая же свидетельница, как и вы! [Борис Акунин. Азель (1998)]

В (20) положение вещей, описанное в *B*, служит одним из аргументов для обоснования истинности утверждения, сделанного в *D*, а в (21) — одним из аргументов, поддерживающих просьбу остаться, сформулированную в *D*.

Таким образом, для спецификации можно различать, как это было сделано для симметричной ей генерализации [Инькова 2017: 61–62], два ее проявления: спецификация *in praesentia* и *in absentia*. Спецификацией *in praesentia* являются такие семантические структуры, в которых эксплицитно присутствуют и множество, и элемент, который выбирается из этого множества (примеры типа (14)–(15) выше), или же общее и частное понятия (примеры (5)–(6) выше); при спецификации *in absentia* в тексте присутствует только элемент множества, а само множество не названо. Это различие тем более важно, что оно позволяет разграничить два основных вида спецификации: экстенциональную и интенциональную. Если первая может реализовываться как *in praesentia*, так и *in absentia*, то вторая возможна только *in praesentia*.

3. Виды спецификации и ее показатели

3.1. Экстенциональная и интенциональная спецификация, частичная и исчерпывающая экстенциональная спецификация

Итак, спецификация бывает двух видов: интенциональная и экстенциональная. Первая при переходе от общего к частному затрагивает лишь интенционал, заменяя более общее наименование менее общим, сохраняя тождество экстенционала; ср. (5)–(6) выше. Экстенциональная спецификация, напротив, осуществляет переход от общего к частному через сужение экстенционала более общего наименования, как, например, в (13). Кроме того, в рамках экстенциональной спецификации следует различать то, каким образом соотносятся элементы, составляющие множество, и само множество. Если ПС выбирает один или несколько элементов множества, то мы будем говорить о частичной экстенциональной спецификации, как в том же (13), где указан лишь один элемент. Но спецификация может осуществляться путем перечисления элементов, причем перечисления исчерпывающего, охватывающего все элементы множества, как в (7) выше, или последовательность *розы, три розы цвета бордо и четыре сливочно-белые*, которые составляют букет в (10). Такую спецификацию мы будем называть экстенциональной исчерпывающей.

В процессе анализа спецификации мы будем опираться прежде всего на наиболее простые с понятийной точки зрения структуры, в которых ПС связывает две ИГ. Полученные результаты могут быть затем использованы для описания более концептуально сложных семантико-синтаксических реализаций отношения спецификации. Наш анализ видов этого отношения мы начнем с экстенциональной частичной спецификации.

3.2. Экстенциональная частичная спецификация

3.2.1. Выбор релевантного элемента

Типичными показателями спецификации вообще, то есть семантической операции и соответствующего логико-семантического отношения, следует, по-видимому, признать русск. *в частности* и итал. *in particolare*, поскольку в них лексически выражен переход к частному. Однако в итальянском языке существует еще один ПС того же корня — *particolarmente*. На первый взгляд, оба итальянских ПС имеют схожую дистрибуцию. Оба они, как и русск. *в частности*, всегда предполагают некоторую парадигму, множество, из которого они

совершают выбор, и поэтому оба несовместимы с интенциональной спецификацией. Так, они явным образом неприемлемы в (5) и (6) выше в их первоначальном значении интенциональной квантификации, как показывают их трансформации (22) и (23), ставшие неприемлемыми:

- (22) Он позвонил в дверь и был с цветами, **в частности*, с розами.
... era con dei fiori, **in particolare* / **particolarmente* con delle rose.
- (23) Показания эти, как и их предыстория, заслуживают, возможно, отдельной книги — **в частности* романа-триллера, не меньше...
... meritano un libro, **in particolare* / **particolarmente* un romanzo-thriller...

Они будут, наоборот, на месте при выборе элемента из некоторого множества, как показывают (11) выше и (24), где возможно также *particolarmente*.

- (24) Io credo che il riso sia una buona medicina, come i bagni, per curare gli umori e le altre affezioni del corpo, *in particolare* la melanconia [Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)]. Я уверен, что смех наипрекраснейшее средство, подобное ваннам, для излечения гуморов и телесных недугов, *в частности* меланхолии [Умберто Эко. Имя розы (Е. Костюкович, 1989)].

Однако некоторые контексты допускают лишь один из ПС, как в (29):

- (25) a. Oggi farò una visita alla chiesa e a quella cappella *in particolare* [Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)].
b. *Oggi farò una visita alla chiesa e a quella cappella *particolarmente*.
c. Сегодня я посещу церковь и, *в частности*, эту часовню.

Необходимо, следовательно, выяснить, в чем разница между *in particolare* и *particolarmente*. Начнем с последнего. Это наречие образовано от прилагательного *particolare*, которое имеет два основных значения: а) частный в противопоставлении общему и б) присущий данному лицу, предмету, своеобразный, необычный. Если *in particolare* развивает первое из значений прилагательного, то *particolarmente* — второе. В русском языке значению (а) будет приблизительно соответствовать прилагательное *частный*, а значению (б) — *особенный*.

Помимо своего употребления в функции ПС наречие *particolarmente* употребляется в функции обстоятельства образа действия в значении ‘особым образом’, как в (26), а также, в сочетании с прилагательными или предикатами, поддающимися градации, в функции интенсификатора (27). В этих значениях его эквивалентом в русском языке может быть и наречие *особо* (27).

- (26) Una frase l'aveva *particolarmente* colpito: «la pistola dormiva con il suo aspetto di lucertola fredda» [Andrea Camilleri. Il Cane di Terracotta (1996)].
Там его поразила *в особенности* одна фраза: «Пистолет спал, похожий на холодную ящерицу» [Андреа Камиллери. Собака из терракоты (А. Кондюрина)].
- (27) Si piazzarono a tre passi dalla porta, che non pareva *particolarmente* resistente, tirarono il fiato e vi si scagliarono contro con tutto il peso dei loro corpi [Andrea Camilleri. Il Cane di Terracotta (1996)].
Они одновременно подскочили к двери, которая не производила впечатления *особо* прочной и, глубоко вздохнув, обрушились на нее всем весом своих тел [Андреа Камиллери. Собака из терракоты (А. Кондюрина)].

Те же значения свойственны и русск. *особенно*: в (28) оно употреблено как модификатор предиката со значением ‘особым образом’, в (29) — как интенсификатор наречия *хорошо*.

- (28) «Форма беседы или спора, — говорит он здесь, — где различные точки зрения могут поочередно господствовать и отражать разнообразные оттенки противоположных исповеданий, *особенно* подходит к воплощению этой вечно слагающейся и никогда не застывающей философии [Михаил Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1929)].
- (29) *Особенно* хорошо она готовила пирожки с мясом [Виктор Ерофеев. Хороший Сталин (2004)].

Из этих употреблений развивается и значение ‘сверх нормы; больше, чем всегда’, свойственное как итал. *particolarmente*, так и русск. *особенно*. Не случайно последнее рассматривается в [НОСС] как близкое по значению *очень* и *слишком*.

Можно также заметить, что значения итал. *particolarmente* передаются в русском языке двумя языковыми единицами: *особенно* (27) и *в особенности* (26), имеющими схожую с парой *particolarmente* и *in particolare* внутреннюю форму, но без видимой разницы в семантике. Как и *особенно*, *в особенности* может употребляется в функции обстоятельства со значением ‘особым образом, особо’ (30), модифицировать поддающийся градации признак в сочетании с наречиями (31), прилагательными, как правило, в составе именной части сказуемого (32), а также с поддающимися градации предикатами (33).

- (30) *В особенности* надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «слепа необходимость, пока она не сознана <...>» [В. И. Ленин. Карл Маркс (1913)].
- (31) Приходили [местные] учителя, учительница, дочь исправника. Петр Самсонович брал скрипку, и начиналось пение <...>. *В особенности* хорошо пел Шипицын [П. А. Моисеенко. Воспоминания старого революционера (1921–1923)].
- (32) Это нам представляется *в особенности* интересным и романтическим: «великолепный» Демидов в притонах нищеты и порока! [В. В. Огарков. Демидовы. Их жизнь и деятельность (1891)]
- (33) Господь <...> устремляет Свой взор за великие тыщи километров, разостлавшиеся до Италии, которую Он любит *в особенности* [В. Г. Распутин. Новая профессия (1998)].

Таким образом, можно сказать, что итал. *particolarmente* и русск. *особенно* / *в особенности* значат что-то вроде ‘в высокой степени’, то есть предполагают, в отличие от русск. *в частности* и итал. *in particolare*, скалярную семантику. По этой причине русск. *особенно* / *в особенности* и итал. *particolarmente* невозможны в (34):

- (34) а. В прудах плавали потешные флотилии, <...> росли там душистые травы и цветы, *в частности*, излюбленные голландские тюльпаны [Д. С. Лихачев. Заметки о русском (1984)].
- б. ... росли там душистые травы и цветы, **особенно* излюбленные голландские тюльпаны.
- с. ... nel giardino c'erano erbe aromatiche e fiori, *in particolare* / **particolarmente* tulipani olandesi.

Предикат *росли* имеет здесь значение предиката существования (*росли* = *были, существовали*). Он может применяться к разным актантам: в (34) *тюльпаны* принадлежат множеству *цветы*, что и определяет возможность употребления *в частности* (и итал. *in particolare*). Однако в данном контексте предикат не предполагает шкалы, на которой располагаются эти актанты, что и определяет невозможность употребления русск. *особенно* / *в особенно* и еще в большей степени итал. *particolarmente*.

Разница между *в частности* и *особенно* хорошо видна в (35), где *особенно* является интенсификатором предиката *любить*. Если мы заменим *особенно* на *в частности*, то,

будучи абсолютно приемлемым, оно не интенсифицирует предикат, а представляет всю ситуацию в целом как одно из проявлений более общей ситуации. Интересно заметить, что итальянский переводчик так и понял данный фрагмент текста, переведя *особенно* через *in particolare* (36).

- (35) Кроме того, я был сумасшедший велосипедист на трехколесном велосипеде. (...) *Особенно* [в частности] я любил, разогнавшись, проезжать через лужи, высоко подняв и как можно шире расставив ноги [Виктор Ерофеев. Хороший Сталин (2004)].
- (36) Inoltre ero un folle ciclista sul mio triciclo. (...) *In particolare* mi piaceva sfrecciare ad alta velocità attraverso le pozzanghere, alzando e allargando quanto più possibile le gambe [Viktor Erofeev. Il buon Stalin (Luciana Montagnini)].

Однако между итал. *particolarmente* и русск. *особенно* / *в особенности* существует важное различие в типе градации. Итал. *particolarmente*, выражая высокую степень проявления поддающегося градации свойства, как в (27), указывает одновременно на интенсивность, высокую степень вовлеченности актанта или обстоятельства некоторого положения вещей в его реализацию. Это означает, что для правильного употребления этого наречия предикация должна быть применима к своим актантам в «той или иной степени» или может реализовываться «более или менее» в разных обстоятельствах. Но важно, что именно данный актант или данные обстоятельства характеризуют высокую степень реализации свойства, описанного в *A*.

- (37) Il nome Manetto, ad ogni modo, ebbe una certa diffusione in epoca medievale, *particolarmente* in Toscana. ‘Фамилия Манетто, в любом случае, имела достаточно широкое распространение в средневековую эпоху, *особенно* в Тоскане’ [РЕС].

Так, в (37) фамилия Манетто имела особо широкое распространение в Тоскане.

Русск. *особенно*, также имеющее скалярную семантику и также приемлемое в данных контекстах, не обязательно предполагает высокую степень проявления свойства, описанного в *A*. Так, (38) может быть понято двояко:

- (38) Ему нравилось беседовать со зрителями, *особенно* в провинции [Сергей Довлатов. Иностранка (1986)].

В первом случае оно будет эквивалентно итал. *particolarmente* и означать, что свойство *нравиться* (*беседовать со зрителями*), описанное в *A*, проявляется в максимальной степени в провинции (= [нравилось в наивысшей степени] в провинции). Но оно может быть понято и как эквивалент итал. *soprattutto*, и тогда *особенно* отсылает к множеству обстоятельств (мест), среди которых выбранное место *в провинции* имеет высокую степень релевантности. При этом степень проявления свойства *нравиться* не имеет значения, то есть она не обязательно должна быть высокой. Синонимом *особенно* в этом значении будет *прежде всего* (= [нравилось беседовать со зрителями] — прежде всего, в провинции).

Поэтому *особенно* накладывает меньшие семантические ограничения на свойство, описанное в *A*. Оно не обязательно должно поддаваться градации; ср. (39) с полным отрицанием предиката в *A* и (40) с модальным предикатом *должен*.

- (39) Уверяю вас, неверующих не бывает. *Особенно* среди творческих людей [Людмила Улицкая. Веселые похороны (1997)].
Le assicuro, i non credenti non esistono. *Soprattutto* fra gli artisti [Ljudmila Ulickaja. Funeral party (Emanuela Guercetti)].
- (40) Когда Иисус говорит: встань и иди, ты должен сделать это, *особенно* если ты мертвый [Никколо Амманити. Я не боюсь (Валерий Николаев, 2005)].
Quando Gesù ti dice alzati e cammina, tu lo devi fare, *soprattutto* se sei morto [Niccolò Ammaniti. Io non ho paura (2001)].

Градация смещается здесь на более высокий уровень: степень истинности утверждения в (39) и степень необходимости осуществления приказа встать и идти в (40). В таком употреблении *особенно* будет соответствовать не *particolarmente*, а *soprattutto*, как показывают переводы с итальянского и на итальянский язык.

В итальянском есть еще два показателя скалярной спецификации, не имеющие на этот раз системного эквивалента в русском языке: *segnatamente* (ср. франц. *notamment*) и *specialmente* (франц. *spécialement*). Оба они переводятся словарями русск. *особенно*:

- (41) Ma invece di queste parole, gli uscì dalla gola un raglio così sonoro e prolungato, che fece ridere tutti gli spettatori, e *segnatamente* tutti i ragazzi che erano in teatro [Carlo Collodi. Pinocchio (1883)].

Но вместо этих слов из его глотки вырвался такой громкий и продолжительный рев, что все зрители, а *особенно* дети, чуть не умерли со смеху [Карло Коллоди. Приключения Пинокио (Э. Казакевич, 1959)].

- (42) Accertati che tutti ricevano un premio: *specialmente* l'architetto che ha costruito le macchine [Valerio Massimo Manfredi. Aléxandros III, il confine del mondo (1998)].

Проследи, чтобы все получили вознаграждение, *особенно* архитектор, построивший машину [Валерио Массимо Манфреди. Александр Македонский. Пределы мира (Михаил Кононов)].

Эти наречия семантически близки к итал. *particolarmente*, поскольку выбирают из множества один или несколько частных случаев особенно релевантных в данном контексте. Так, в (41) элементы множества *detmi* представляют особый интерес в данной ситуации, описывающей Пинокио, превратившегося в осла. Семантика *segnatamente* включает, кроме того, дейктическую составляющую: выбранные элементы множества представлены как *segnati* 'отмеченные, маркированные', а потому заслуживающие особого внимания. Поэтому на шкале релевантности *segnatamente* будет расположено выше *particolarmente*. Наречие *specialmente* выбирает «специальный» элемент из множества, что также позволяет расположить его на шкале релевантности выше *particolarmente*.

Таким образом, в данном виде спецификации, выбирающем частный случай, необходимо различать спецификацию скалярную и не скалярную. Скалярная спецификация предполагает шкалу, на которой располагаются актанты и сирконстанты, выбранные из множества элементов на основе степени их вовлеченности в реализацию положения вещей, описанного в *A*. К показателям такой спецификации относятся русск. *особенно* и *в особенности*, итал. *soprattutto*, а также итал. *particolarmente*, предполагающее кроме этого и высокую степень проявления свойства, описанного в *A*. Семантический вклад русск. *в частности* и итал. *in particolare* иной. Если здесь и можно говорить о некоторой шкале, то она имеет, скорее, прагматический характер: эти ПС вводят элемент множества, обладающий в данном контексте определенной релевантностью, либо потому что представляет интерес для говорящего и слушающего (ср. *излюбленные голландские тюльпаны* в (34) выше), либо потому что присутствует в ситуации общения (об этом свидетельствует, например, указательное местоимение в ИГ *эта часовня* в (25) выше), либо является предметом разговора. Так, выбор в (24) элемент *меланхолия* из множества *гуморов и телесных недугов* оправдан тем, что речь идет о средствах избавления от печали; диалог продолжается так:

- (43) Ванна превосходнейшее дело, — ответил Хорхе. — И Аквинат рекомендует ванны для избавления от печали [Умберто Эко. Имя розы (Е. Костюкович, 1989)].

Характеристиками спецификации, которая выражается русск. *в частности* и итал. *in particolare* в структурах ИГ₁, ПС ИГ₂ и которую мы предлагаем называть в выбор релевантного элемента, являются следующие:

I) спецификация является экстенциональной (отсюда неприемлемость **Он подарил ей книгу, в частности роман*) и частичной (**Он подарил ей три книги, в частности два романа*

и одно эссе), выбирая один или несколько элементов из множества (или парадигмы), обозначаемого ИГ₁, находящейся в левом от ПС контексте;

II) спецификация ставит в центр внимания — откуда и выбранное для нее название — один или несколько элементов множества как наиболее коммуникативно релевантные, по крайней мере, более релевантные, чем другие, которые не называются (хотя и могут быть названы: *Она сделала большие успехи, в частности по математике, как впрочем и по другим дисциплинам*);

III) более высокая степень релевантности выбранного частного случая не предполагает обязательно, в отличие от русск. *особенно, в особенности* и итал. *particolarmente*, скалярной семантики предиката (итал. *particolarmente*) или, в более общем виде, шкалы, на которой могут быть расположены актанты или сирконстанты по степени из вовлеченности в реализацию описываемого положения вещей;

IV) данный вид спецификации несовместим с виртуальными парадигмами, то есть множествами, создаваемыми ИГ₁ с неконкретной референцией (**Купи мне газету, в частности «Известия»*);

V) выбранный элемент не может быть заменен другими элементами того же множества: просьба *Купи мне газеты, в частности «Известия»* не может быть выполнена, в отличие от *например*, если будут куплены другие газеты, ср. степень приемлемости *Купи мне газеты, например «Известия» или «Ведомости»* vs. *??Купи мне газеты, в частности «Известия» или «Ведомости»*;

VI) данный вид спецификации несовместим с иллюкутивным употреблением (см. ниже для русск. *между прочим* и итал. *tra l'altro*): ср. явное различие в приемлемости *Он ей подарил машину, между прочим, «Мерседес»* vs. **Он ей подарил машину, в частности, «Мерседес»*.

3.2.2. Дифференцированный выбор

Начнем анализ данного вида спецификации с нескольких примеров, его иллюстрирующих.

- (44) Tu ammetti di essere stato con loro mentre vicino a Trivero impiccavano molti fedeli di Cristo *tra cui* un bambino innocente di dieci anni? [Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)]
Ты признаешь, что был при них и с ними в то время, когда поблизости Триверо предавали повешенью бесчисленное число честных христиан, *sреди них* невинного ребенка десяти лет? [Умберто Эко. Имя розы (Е. Костюкович, 1989)]
- (45) Несколько конюхов, *в том числе* и Мерзляков, были посажены в карцер за кражу овса [Варлам Шаламов. Колымские рассказы (1954–1962)].
- (46) Quindi non sarà male attendere il prossimo cadavere tra coloro che fanno il greco. Me *compreso* [Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)].
Логично предположить, что очередным мертвецом будет также кто-то из знающих греческий. *Включая* меня [Умберто Эко. Имя розы (Е. Костюкович, 1989)].
- (47) Из яств, кроме кутьи, было три-четыре блюда (*между прочим*, и блины), все с кухни Амалии Ивановны [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].
Di cibi, oltre alla torta di riso, c'erano tre o quattro piatti (*tra l'altro* anche le frittelle), tutti usciti dalla cucina di Amàlija Ivànovna [Fedor Dostoevskij. Delitto e castigo (Giorgio Kraiski)].

В данном виде операция спецификации производится на множестве, обозначенном в *A* (для большинства ПС это ИГ₁, но это могут быть и наречия, ГГ и предложения), сужая его экстенционал до подмножества (или подвида), выбранного среди «других, прочих» элементов данного множества или относительно «остального». Так, например, *tra cui* ‘среди

них' в (44) выбирает из множества *честные христиане* один элемент: *невинный ребенок*. Мы будем говорить в данном случае о дифференцированном выборе.

Показатели спецификации этого вида можно разделить на две группы. В первую из них входят показатели различной частеречной принадлежности, анафорически отсылающие к ИГ₁. В их состав входят относительные (русск. *который*, итал. *cuì, quali*), указательные (итал. *questi*) или личные (русск. *они*, итал. *essi*) местоимения в сочетании с предлогами русск. *среди*, итал. *tra, fra* 'среди, между'. Предлог *между* в таких структурах в современном русском языке может, по-видимому, считаться устаревшим; он встречается, например, у Н. В. Гоголя в сочетании с относительным местоимением и соответствует по форме итал. *tra i quali*²:

- (48) На стенах висели всё шинели да плащи, *между которыми* некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами [Николай Гоголь. Шинель (1842)].
Alle pareti erano appese tutte le mantelle, i tabarri, *tra i quali* alcuni avevano persino il collo di castoro o i risvolti in seta [Nikolaj Gogol'. La Mantella (Serena Prina, 1994)].

В русском языке показатели спецификации данного вида образованы также с существительным *число*: *в том числе* (45), *в числе их / в их числе* (49):

- (49) В течение года несколько московских писателей (Битов, Аксенов, Искандер и я *в их числе*) подготавливали литературный альманах, который состоит из экспериментальной прозы и поэзии [Виктор Ерофеев. Хороший Сталин (2004)].

Несколько особо, как по своим синтаксическим, так и по своим семантическим свойствам, стоят в этой группе русский предлог *включая* и соответствующие ему по значению итальянские причастия прошедшего времени *compreso* и *incluso*, а также русск. *не исключая* и итал. *non escluso* и *senza escludere*. Они добавляют к общему для ПС этого вида значения дифференцированного выбора информацию о том, что выбранный элемент мог не входить во множество, заданное ИГ₁ [НОСС: 106]³. Однако трудно согласиться с тем, что различия в семантике *включая* и *в том числе* заключается в том, что, употребляя *включая*, говорящий сигнализирует о том, что выбранный элемент необычен и «противоречит естественным нормам или ожиданиям» [НОСС: 107]. Ср., например, (50), где тот факт, что сборник включает и задачи, предлагаемые на физических олимпиадах, как раз свидетельствует о различной степени их сложности.

- (50) В сборнике представлены задачи различной степени сложности, *включая* задачи, предлагаемые на физических олимпиадах [Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7–9 кл. (2003)].

С другой стороны, «неожиданный элемент» может вводить и *в том числе*, о чем в (51) свидетельствует многогочие:

- (51) В поле его зрения попадает многое, *в том числе* и... цапля, о судьбе которой он ведёт тревожный рассказ, не оставляющий нас равнодушными [Илья Петрусенко. Я вдыхаю ветер воли... // «Народное творчество», 2003].

² Заметим в связи с этим, что Н. В. Гоголь писал «Шинель» в Италии.

³ Согласно [НОСС: 107–108], различие между *включая / не исключая* и *в том числе* определяется и денотативным статусом ИГ, задающих множество и элемент. Для *включая / не исключая* речь чаще всего идет не только о конкретных, но и об определенных множестве и элементе; тогда как для *в том числе* такое употребление, хотя и возможно, однако для него более типичны ИГ с неопределенным конкретно-референтным или даже родовым статусом. Данные [НКРЯ] не подтверждают, однако, такого распределения. В первых 200 случаях, заданных по запросу *включая* и *в том числе*, распределение по типу референции примерно одинаково.

Во вторую группу входят русск. *между прочим* и итал. *tra l'altro* (47), которые, в отличие от рассмотренных выше показателей с предлогами итал. *tra / fra* и русск. *среди*, не изменяемы по форме, что говорит об их грамматикализации. Эти два выражения, в силу семантики входящих в него субстантивированных прилагательных (итал. *l'altro* 'другой, остальной' и русск. *прочее*) отсылают не непосредственно ко множеству, описанному в *A*, а к тому, что от него остается, если из него изъять элемент *B*. Кроме того, их характеризует неизменяемость формы, а значит и менее очевидная, чем у показателей первой группы, анафорическая связь со множеством, описанным в *A*, которое они представляют как бы блоком, не вычленивая элементов; ср. (44)–(46), с одной стороны, и (52), с другой:

- (52) Большая часть гостей приезжала из города, это были давние Ольгины знакомые. (<...>). Другая, меньшая часть состояла из местной, дачной публики, тем или иным образом — вроде меня — забредшей на огонек. Были там, *между прочим*, два-три наших с Сонькой старых приятеля, (<...>) [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

Для представления множества как состоящего из вычлениваемых элементов будут употребляться русск. *среди прочих* и итал. *tra gli altri / tra le altre*:

- (53) Avrebbe voluto dire molte cose, in quel momento, e *tra le altre* «Dove cazzo hai imparato?», o anche «Dove diavolo ti eri nascosto?» [Alessandro Baricco. Novecento (1994)]
В тот момент он столько хотел сказать и, *среди прочего* «Где ты, черт побери, этому научился?», а еще «Где ты прятался, черт возьми?» [Алессандро Барикко. Легенда о пианисте (Наталья Колесова, 2005)]

Такая семантика, представляющая множество *A* блоком, позволяет русск. *между прочим* и итал. *tra l'altro* иметь более абстрактное значение, становясь спецификаторами, действующими на уровне предикации (54) или на иллокутивном уровне (55)–(56).

- (54) Я говорю: — Собирайся. — Что такое? — Психа везем на Иоссер. Какой-то зэк рехнулся в четырнадцатом бараке. *Между прочим*, тетю Шуру укусил [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)].
- (55) O se mi sbagliassi, come il nostro misterioso Salvatore. Il quale *tra l'altro*, essendo di queste parti, sa parlare assai bene con le genti del posto [Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)]. Если же я паче чаяния ошибаюсь, тогда — непонятный для нас Сальватор. Который, *между прочим*, из этих краев, а значит, без труда разговаривает с местными [Умберто Эко. Имя розы (Е. Костюкович, 1989)].
- (56) — Едем, — уговаривал меня таксист. — Через час будешь на месте. Дорого не возьму. Меня, *между прочим*, Володя зовут. Взял и впрямь дёшево: 150 тысяч [Екатерина Костикова. Наша бронелодка стоит на запасном пути (1997) // «Столица», 1997.05.27].

В (54) *A* является положением вещей (*Какой-то зэк рехнулся*), которое может осуществляться разными способами; а *B* выбирает один из способов его осуществления, в данном случае *тетю Шуру укусил*. В (55)–(56) отношение спецификации устанавливается на иллокутивном уровне. Но если в (55) сообщаемое в *B* является комментарием относительно Сальваторе, то есть имеет непосредственную связь с тем, что сказано в *A*, то в (56) смысловая связь *B* («Меня, *между прочим*, Володя зовут») с *A* — уговорами таксиста — менее очевидна⁴.

Важным представляется тот факт, что множество, к которому отсылает, а точнее, которое создает употребление русск. *между прочим* и итал. *tra l'altro*, является имплицитным. И оба выражения, оставаясь по своей природе показателями экстенциональной спецификации, то есть перехода от множества к его элементу, совместимы, в отличие от показателей первой группы, с ИГ₁ в единственном числе:

⁴ Подробнее о семантике русск. *между прочим* и итал. *tra l'altro* см. [Инькова, Манзотти 2017].

- (57) На днях (...) женщина 31 года прыгнула с тринадцатого этажа, упала на припаркованный под окнами автомобиль («Мерседес», *между прочим*) и осталась в живых [<http://horrorzone.ru/page/zhenshhina-vyzhila-posle-padenija-s-13-go-etazha-video>; дата обращения 09.09.2017].

Заметим, что часто русск. *между прочим* и итал. *tra l'altro* используются в своем иллокутивном употреблении как раз для добавления одной из характеристик, среди прочих возможных, релевантной для описания референта ИГ₁, как в (55) выше или (58):

- (58) И мы любили слушать, потому что ничего не знали о таком явлении, *между прочим* примечательном в истории русского искусства [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

Различия в уровне, на котором могут функционировать показатели спецификации данного вида — пропозициональный или иллокутивный — позволяют им комбинироваться между собой, не создавая тавтологии: в (59) *в том числе* выбирает элемент «моя мать Рахиль» из множества «Рахленки», а *между прочим* указывает, что этот элемент является одной из возможных деталей, которую можно сообщить по поводу этого множества.

- (59) Бабушка же с молодых лет делала парики в парикмахерской, к домашней работе её не приучили, она была, к сожалению, совсем не хозяйственная, и даже не слишком аккуратная, то есть не какая-нибудь неряха, но и не помешана на чистоте, как все Рахленки, *в том числе, между прочим*, и моя мать Рахиль [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)].

Характеристики данного вида спецификации, которую мы предлагаем называть спецификацией дифференцированного выбора, следующие:

I) спецификация данного вида всегда — и в своем неиллокутивном употреблении — является экстенциональной (отсюда неприемлемость **Он подарил ей книгу, среди них роман*) и частичной (**Он подарил ей три книги, среди которых два романа и одно эссе*), выбирая один или несколько элементов из множества, обозначаемого ИГ₁, находящейся в левом от ПС контексте, к которой он отсылает анафорически;

II) дифференцированный выбор ограничивается простым выбором одного или нескольких элементов множества, не указывая на их большую коммуникативную релевантность. Об этом свидетельствует и возможность для ПС данного вида сочетаться с показателями скалярной спецификации, не создавая избыточности высказывания:

- (60) Жители Самарской области, и *в том числе, особенно*, краеведы, очень любят думать о своей родине как о сильно недооцененном, но потенциально весьма прибыльном туристическом регионе [Иван Штольц. Курортный роман (2002) // «Дело» (Самара), 2002.03.19].

Высокая степень релевантности выбранного элемента может быть тем не менее выведена контекстуально на основе общих механизмов релевантности. Однако ПС данной группы плохо сочетаются с *но*, вводящим другие элементы множества и корректирующим таким образом степень релевантности первого, введенного ПС, элемента. Ср. разную степень приемлемости ^{??}*У нее большие успехи, в том числе, по математике, но также и по другим дисциплинам* и *У нее большие успехи, в частности, по математике, но также и по другим дисциплинам*;

III) спецификация не несет в себе скалярной семантики;

IV) данный вид спецификации несовместим с виртуальными парадигмами, то есть множествами, создаваемыми ИГ₁ с неконкретной референцией (**Купи мне газету, в том числе / между прочим «Известия»*);

V) выбранный элемент не может быть заменен другими элементами того же множества: просьба *Купи мне газеты, включая / в том числе «Известия»* не может быть выполнена, если вместо «Известий» будут куплены другие газеты; ср. также на грани приемлемости совместимость с альтернативой ^{??}*Купи мне газеты, включая «Известия» или «Ведомости»*;

VI) слабая совместимость с незакрытыми списками (*Принеси мне что-нибудь почитать, в том числе, газету, «Известия»...*), характерными для экземплификации (см. ниже);

VII) русск. *между прочим* и итал. *tra l'altro* имеют как пропозициональное, так и иллюстративное употребления, последнее из которых, полностью лишённое анафорического характера, становится для них преобладающим.

3.2.3. Экземплификация

3.2.3.1. Собственно экземплификация

Данный вид спецификации, показателями которого являются итал. *ad esempio / per esempio* и русск. *например / к примеру*, пожалуй, наиболее изучен, что не случайно. Экземплификация есть, как известно, один из видов аргументации, и ей посвящены соответствующие разделы во всех риторических трактатах начиная с Аристотеля. В современной риторике (см., в частности, [Perelman, Olbrachts-Tyteca 1958: §§ 78–80]) принято различать аргументативные и иллюстративные примеры, различающиеся статусом правила, которое они подкрепляют. Если аргументативные примеры служат для обоснования правила или, в более общем виде, некоторого утверждения, то иллюстративные примеры служат лишь для того, чтобы объяснить уже установленное и известное правило при помощи частных случаев, которые делают его более понятным, показывая его возможные применения. Хотя граница между этими двумя типами примеров не всегда бывает четкой, тем не менее можно утверждать, что иллюстративные примеры характерны для точных наук, таких как алгебра, геометрия, формальная логика⁵. Истинность положений в математике, будь то определения или этапы дедуктивного рассуждения, основывается на принципе непротиворечивости, на соответствии классическим законам доказательств, но ни в коей мере не на примерах. Примеры имеют чисто иллюстративную функцию, показывая сферу применения утверждения общего характера, к которому они относятся.

(61) Если множество a включает в себя множество b , то есть каждый элемент множества b входит в множество a , но не наоборот, то понятие B есть частный случай понятия A . (...) *Например*, квадрат есть частный случай прямоугольника [В. Ф. Турчин. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции (1970)].

В случае аргументативной экземплификации пример призван, наоборот, обосновать истинность утверждения, мотивировать его обоснованность. Ср. (62), где с помощью последовательности высказываний, вводимой *например*, говорящий обосновывает свое утверждение о «полезности» отдавать долги, и (63), где пример интегрирован в общую стратегию аргументации при помощи *ведь*: все высказывание, которое вводит *ведь*, обосновывает возможность существования других точек зрения.

(62) Алла, я считаю, что долги надо отдавать. (...) Это просто полезно. *Например*, если у меня берут в долг, именно в долг, то я всегда ожидаю возвращения денег и, в принципе, учитываю их в дальнейших раскладах. Если деньги мне не возвращают, то накапливается некое нехорошее чувство по отношению к человеку [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)].

(63) Исследование гена Рах-6 показывает, что все известные нам типы органов зрения могли возникнуть благодаря генетическим мутациям одного и того же «первоглаза». Впрочем, есть и другие мнения. Ведь, *например*, у медуз нет гена Рах-6, хотя органы зрения есть. Возможно, этот ген лишь на каком-то этапе эволюции стал управлять

⁵ Подробнее о соотношении вида примера и вида речи в риторике см. [Рождественский 2004: 205–210].

развитием зрительного аппарата [Александр Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание — сила», 2003].

Уделялось внимание экземплификации и в теории речевых актов, поскольку принято считать, что отношение экземплификации устанавливается не между двумя пропозициями, а между двумя речевыми актами (см. выше то место, которое ему отводится в системе логико-семантических отношений в [Breindl et al. 2014]). Так, вслед за Д. Вундерлихом [Wunderlich 1976], который выделяет особый вид речевых актов — речевые акты, организующие речь (*redeorganisierende Sprechakte*), Г. Антос [Antos 1982: § 2.4] предлагает на основе тех аспектов речевой деятельности, которых они касаются (планирование, цитирование, последовательность изложения, степень важности фрагментов текста, их взаимосвязь, понимание текста), шесть классов речевых действий, служащих для организации текста (*textorganisierende Handlungen*). Экземплификация фигурирует в этой типологии наряду с пояснением, переформулированием, уточнением и др. в классе речевых действий, обеспечивающих понимание текста, точнее понимание коммуникативной цели, которую преследует говорящий своим речевым актом (ср. также [Motsch, Pasch 1987]). В работе [Gulich, Kotschi 1987] развивается типология Антоса: экземплификация оказывается в классе речевых действий, которые различным образом развивают, уточняют, специфицируют некоторый фрагмент текста и которые противопоставлены действиям оценивающим, комментирующим, интерпретирующим текст, а также таким, которые поясняют смысл текста: классифицирующим, идентифицирующим и др. Таким образом, коммуникативная цель экземплификации как речевого действия — сделать так, чтобы слушающий понял коммуникативную цель речевого действия, которое является предметом экземплификации.

Наконец, собственно лингвистические аспекты экземплификации, которые нас интересуют в первую очередь в настоящем исследовании, были рассмотрены в работах Э. Манзотти [Manzotti 1993; 1995]. Мы не будем останавливаться на них подробно, а лишь подытожим то, что было сказано, уточнив некоторые из сформулированных положений с целью показать, в чем отличие данного вида спецификации от рассмотренных выше.

I) экземплифицирующая спецификация либо отсылает к множеству (15), упомянутому в предыдущем контексте, либо создает его, как в (64), где *например* создает множество редких или несуществующих фамилий:

(64) — Щукиных и Судаковых — тьма, а где, *например*, Хариусовы или, допустим, Форелины? [Сергей Довлатов. Филиал (1987)];

II) она совместима с виртуальными множествами, задаваемыми именами с неконкретной референцией (65):

(65) Проблему можно решить, только пересев на современную машину, *например*, на «мерседес» [Владимир Лаврик. Угольная отрасль может стать высокорентабельной (2004) // «Металлы Евразии», 2004.12.17];

III) экземплификация допускает взаимозаменяемость членов множества: в (65) проблему безопасности, о которой идет речь, можно решить не только пересев на «Мерседес», но и, по-видимому, на «Ауди» или «БМВ» (при дифференцированном выборе указанного элемента обязательно должен быть назван). Частные случаи при экземплификации являются равно приемлемыми альтернативами, хотя безусловно присутствует и критерий «типичности», «центральнойности» выбранного элемента, то есть он не должен быть атипичным представителем класса (ср. разную степень естественности высказываний *Купи себе четвероногого друга, например, кошку или собаку* и *Купи себе четвероногого друга, например, слона или свинью*);

IV) экземплификация не несет в себе скалярной семантики: она не только не устанавливает шкалу релевантности, но и несовместима с ней, в отличие от дифференциального выбора. Если [НКРЯ] и дает пример, правда, единственный, где *например* сочетается с *особенно*, такое сочетание представляется малопримемым:

- (66) ... во-вторых, если они [языковые изменения] и происходят в таком порядке, то как раз в монологических и письменных формах речи (*например, особенно в поэзии*) в гораздо большей степени, чем в диалоге [Л. П. Якубинский. О диалогической речи (1923)];

V) экзemplификация непосредственно связана с прагматическим аспектом коммуникации, имея три основные функции, направленные на слушающего: а) иллюстративную функцию — для иллюстрации некоторого утверждения, помогая слушающему его понять (см. (61) выше); б) аргументативную функцию — чтобы помочь слушающему принять некоторое утверждение, поверить в его истинность (ср. (62)–(63) выше); в) наконец, функцию ‘помощи’, ‘содействия’ в реализации некоторого действия, достижения некоторой цели. Ср. (15) выше, а также (67), где реализация совета есть на ужин белки сначала облегчается перечислением источников белка, а затем приводится пример того, как эту цель можно достигнуть.

- (67) А вот на ужин можно есть белки — мясо или рыбу, или сыр, или творог, или яйца, или орехи — с салатом, листьями капусты, петрушки, сельдерея, молодой свеклы, кинзы, перышками зеленого лука. Сделайте, *например*, сэндвич: на ломтик огурца положите кусочек сыра, сверху листик кинзы или петрушки, перышко лука, щавель, дольку редиски [Г. С. Шаталова, В. Тюрин. Чтобы жить, не болей // «Наука и жизнь», 1979].

Специализированными показателями экзemplификации, как мы уже отмечали, являются итал. *ad esempio* и русск. *например*. Однако в определенных семантических условиях показатели, выражающие другие логико-семантические отношения, могут приводить к смысловому эффекту, близкому к экзemplификации, о чем упоминают словари и грамматики. Такие показатели можно назвать параэкзemplифицирующими. Рассмотрим два из них, принадлежащие к разным семантическим классам.

3.2.3.2. Параэкзemplификация

Così и *tak*. Итал. *così* и русск. *tak* употребляются в таких структурах, часто параллельно с *например* (77), где они вводят фрагмент текста, описывающий частный случай и служащий для разъяснения сказанного.

- (68) Кроме того, оценки будут сильно различаться при попытке анализа совокупных объёмов внутренних и международных переводов. *Tak*, если оценивать объём денежных переводов в целом, то безусловным лидером будут выступать почтовые ведомства. *Например*, в России через почту переводится около 41 % от общего объёма переводов, а через WU и MG — 20 % переводов [Денежные переводы мигрантов — фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // «Вопросы статистики», 2004].
- (69) Non abbiamo una mappa neanche minimamente uniforme, con cambiamenti graduali: abbiamo una mappa a macchie di leopardo, con isole di densissima concentrazione, circondate da vaste estese di deserto. *Così* fra gli emigrati regionali in Italia troviamo sardi a Roma e a Torino ma praticamente da nessun' altra parte [PEC: Articolo academico, 2009] ‘Данные на нашей карте распределены совсем не равномерно, с постепенными изменениями: наша карта — в пятнах, как шкура леопарда, с островками высокой концентрации, окруженными белыми пятнами. *Tak*, среди региональных иммигрантов в Италии сардов можно встретить в Риме или в Турине и практически нигде в других местах’.

Однако интуитивно *tak / così* трудно признать синонимами *например / ad esempio*, и не только потому, *tak / così* могут связывать только фрагменты текста, имеющие как минимум пропозициональную структуру, а чаще представляющие собой независимые

высказывания. Против этого говорит, с одной стороны, неприемлемость *так* (но это справедливо и для итал. *così*) в целом ряде контекстов с *например* (см. особенно (64) или (67) выше), а с другой, возможность обоих показателей сочетаться между собой (70). Это значит, что каждый из показателей имеет в высказывании свою семантическую функцию.

(70) А затем, представьте себе, наступила третья стадия — страха. Нет, не страха этих стадий, поймите, а страха перед другими, совершенно не относящимися к ним или к роману вещами. *Так, например*, я стал бояться темноты [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929–1940)].

Poi, capisce, giunse il terzo stadio, quello della paura. No, non paura di quelle recensioni, mi creda! Ma paura di fronte ad altre cose, che non riguardavano assolutamente né gli articoli, né il romanzo. *Così, ad esempio*, cominciai a temere l'oscurità [Mikhail Bulgakov. Il Maestro e Margherita (p. 1) (Vera Dridso, 1967)].

Заметим также, что если словари русского языка отмечают, что *так* «[у]потребляется в начале предложения для конкретизации, подтверждения ранее высказанной мысли в знач.: например, к примеру сказать» [БАС], то итальянские словари такого значения у *così* не фиксируют [GDLI; VLI; SC], хотя эмпирические данные говорят о наличии у него этого значения.

В обоих языках *так / così* являются крайне полисемичными и полифункциональными единицами. БАС выделяет у *так* 22 значения, GDLI у итал. *così* — 18, причем большинство значений у *так / così* совпадают. Несмотря на это разнообразие значений и ассоциированных с ними синтаксических свойств, все они в той или иной степени связаны с дейктической природой *так / così*, представляющих собой демонстративы, обозначающие некоторое положение вещей (71) или способ его осуществления (72).

(71) Мы собрались за границу; я послала к нему — сказали, что болен, не принимает: *так* и не видались [Иван Гончаров. Обломов (1849–1858)].

Mentre facevamo i preparativi per la partenza, ho mandato a chiedere sue notizie: dissero che era malato e che non riceveva nessuno. *Così*, non lo abbiamo visto [Ivan Goncarov. Oblomov (Argia Michettoni)].

(72) Побалакаем на должиках (*так* назвал он сваленные в длину деревья) [Борис Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)].

Sediamoci su queste 'stanghe'. *Così* chiamava gli alberi allungati al suolo [Boris Pasternak. Il dottor Zivago (Pietro Zveteremich)].

Среди всех значений нас особо интересует союзное употребление *так / così*, в котором словари характеризуют их как показатели следствия и вывода: из положения вещей *p* следует или можно вывести положение вещей *q*⁶. Возникает вопрос, каким образом связаны между собой это значение следствия / вывода и значение параземплификации *так / così*? Мы полагаем, что экземплифицирующее значение является разновидностью значения следствия / вывода в определенной семантической конфигурации и с явной анафорической составляющей (не случайно БАС считает *так* в этом значении «указательной частицей»). Особенность следственного значения, передаваемого *так / così*, заключается в том, что оно,

⁶ Это значение основывается на типичном переходе от дейктического обозначения некоторого положения вещей (ср. *Сделай так*, показывая, как именно) к дейктическому обозначению положения вещей, связанного с первым как его следствие. В тексте, где дейктическая функция превращается в анафорическую, иногда бывает трудно разграничить эти два вида отсылки; ср.:

(i) В итоге у человека не формируется возможность управлять своими страстными желаниями. У него нет этой функции в психике, и каждая сильная страсть может выразиться в действие, в действительность. Это называют прорывом импульса. *Так* человек совершает очень жестокие и страшные поступки [А. Бондарук. Иерархия души, или Как не воспитать бессовестного человека (2015.11.08)].

в отличие от русск. *значит, тогда, следовательно* и их итальянских эквивалентов, представляет вводимое следствие не как результат рассуждения, умозаключения, а как нечто естественное, очевидное (ср. разную степень приемлемости вариантов со *значит, следовательно* и явно неприемлемым *так*: *Машины в гараже нет. Значит / Следовательно / *Так(,) она еще не вернулась*). Значение параземплификации возникает на основе значения следствия / вывода в том случае, когда из утверждения общего характера «выводится», то есть представляется в качестве его естественного следствия, утверждение более частного характера. Ср. пример из БАС на это значение *так*:

(73) Его скопидомство доходило до крайности: *так*, он целый год писал одним пером [Помяловский. Очерки бурсы].

Из общего утверждения о скопидомстве персонажа естественным образом вытекает частная ситуация — проявление этого скопидомства: «он целый год писал одним пером». При этом *так*, как и *così*, в отличие от *например / ad esempio*, лишен парадигматизирующей семантики, иначе говоря, они не предполагают обязательного наличия множества других следствий.

В некоторых случаях, однако, над значением вывода, следствия, установленного от общего к частному, преобладает анафорическое значение демонстратива *так / così*: сначала формулируется некоторое общее положение, а затем утверждается, что такую же ситуацию мы наблюдаем в частном случае. В (74) в первом высказывании говорится о случаях тайного бегства детей под влиянием внушения, а высказывание, вводимое *так*, приводит один из частных случаев, в которых наблюдается *такая* ситуация.

(74) Влияние внушения на детский ум доказывают и случаи тайного бегства детей для выполнения отдалённых путешествий, например, в Америку или к Северному полюсу, под влиянием чтения книг Майна Рида, Жюль Верна и др. *Так*, два маленьких 13-летних баварца, начитавшись книг, захватили тайно от родных деньги и оружие и отправились в путешествие к Северному полюсу, чтобы охотиться за белыми медведями (Plecher) [В. М. Бехтерев. Внушение и воспитание (1911)].

В том случае, когда *так / così* и *например / ad esempio* сочетаются в одном высказывании, как в (70) выше, вклад каждого из них можно описать следующим образом:

— *так / così*, в силу своей следственной семантики, сигнализируют о естественном переходе от общего случая *p* к частному случаю *q*, рассматриваемому в свете *p* (анафорическая составляющая);

— *например / ad esempio*, со своей стороны, представляют *q* как один из частных случаев среди прочих и сигнализируют, что его упоминание иллюстрирует общее положение *p*;

— сочетания *так, например* и *così, ad esempio* обогащают значение следствия / вывода, передаваемое *так / così*, эффектом парадигматизации, характерным для *например / ad esempio*, причем *q* здесь связано не непосредственно с *p*, а представлено как его очевидное следствие.

Параземплификация, основанная на сравнении. В предыдущем разделе мы видели, что благодаря контексту и близости некоторых семантических операций, экземплификация может быть выражена коннекторами, которые в строгом смысле термина не могут быть признаны показателями экземплификации. Они могут сочетаться со специализированными показателями экземплификации, что высвечивает семантические особенности, свойственные каждому из показателей. В этом разделе речь пойдет о таких показателях, как итал. *come, quali, del tipo* и др., а также русск. и (*такой,)* *как, вроде* в структурах (*такой / такие*) ИГ₁, *как / come* ИГ₁.

(75) Назойливо демонстрировал свою эрудицию. Я употреблял *такие* слова, *как* «философема», «экстраполяция», «релевантный» [Сергей Довлатов. Филиал (1987)].

Recensivo i nuovi libri, sfoggiando in modo molesto la mia erudizione. Usavo parole *come* «filosofema», «ipertrofico», «paradigmatico» [Sergej Dovatov. La filiale New York (Laura Salmon)].

- (76) «La ringrazio di cuore» fece allora il capo-infermiere con un leggero inchino; «da una persona *come* lei le confesso non mi stupisce un così gentile atto di cavalleria [Dino Buzzati. Sette piani (1942)].
— Сердечно вам благодарен, — сказал фельдшер, слегка поклонившись. — От *такого* человека, *как* вы, я, признаться, иного и не ждал [Дино Буццати. Семь этажей (Г. Киселев)].
- (77) Наконец, существуют и *такие* растения, *как, например*, лишайники, которые в виде пенек или накипи поселяются на голой поверхности камней [К. А. Тимирязев и др. Жизнь растения (1878)].
- (78) «Придет день, милая Ло, когда ты поймешь многие чувства и положения, *как, например*, гармонию и красоту чисто духовных отношений» [Владимир Набоков. Лолита (1955–1967)].
«Un giorno, Lo, capirai molte emozioni e molte situazioni, *come ad esempio* l'armonia e la bellezza di un rapporto spirituale» [Vladimir Nabokov. Lolita (Giulia Arborio Mella)].

Легко заметить, что в данных примерах ИГ₁ обозначает множество, тип, вид, к которому принадлежит элемент, описанный в ИГ₂. Однако, несмотря на это общее свойство — указывать на принадлежность к определенному роду, определительно-репрезентирующие обороты неоднородны по своей семантике. Между (75)–(76), с одной стороны, и (77)–(78), с другой, существуют значимые различия.

В (75)–(76) проиллюстрированы структуры, которые [РГ-80, 2: §2095] квалифицирует как «определительно-репрезентирующие обороты», где союз *как* «указывает на отнесенность предмета к определенному роду, виду» (заметим сразу, что итальянские словари и грамматики не упоминают ни об аналогичной итальянской структуре, ни о ее семантической близости с экземплификацией). Отмечается также близость «определительно-репрезентирующего значения» к пояснительному, точнее, к его разновидности: включению (или, в нашей терминологии, спецификации), когда *как* вводит ряд словоформ; ср. (75). Особенность таких оборотов заключается в том, что в них (*такой*) ИГ₁ *как / come* ИГ₂ представляют собой единую семантическую структуру. ИГ₂ не может быть понято без ИГ₁, которая определяет его референцию и является, собственно, объектом предикации: в (76), например, утверждается: «от вас я иного не ожидал». ИГ₁ лишь характеризует ИГ₂ с точки зрения принадлежности обозначаемого ей объекта к определенному классу (в нашем примере *человек, имеющий определенные свойства*). Поэтому ИГ₂ нельзя опустить, в отличие от ИГ₁, не изменив степени приемлемости или интерпретируемости высказывания: референт первой ИГ остается недоопределенным. Ср. трансформацию приведенного выше примера (76) в (79), где в итальянском тексте ИГ₁ неинтерпретируема с точки зрения ее референтности, а в русском переводе приобретает обобщающее значение (от человека, а не, например, от зверя), что меняет смысл высказывания:

- (79) ^{??}Da una persona le confesso non mi stupisce un così gentile atto di cavalleria.
От человека я, признаться, иного и не ждал.

В том случае, когда ИГ₂ является существительным единственного числа, определительно-репрезентирующий оборот несовместим с экземплификацией (ср. ^{??}*от такого человека, как, например, вы, я другого не ожидал*). В том случае, если *как* вводит ряд словоформ, становится возможным сочетать *как* с *например*, которое добавляет парадигматизирующую семантику (ср. для (75) *я говорил такие слова, как, например, «философема», «экстраполяция», «релевантный»*).

Вторая группа примеров, (77)–(78), имеет другую семантическую структуру. В них ИГ₁ и ИГ₂ имеют самостоятельных референтов, и именно ИГ₁ является объектом предикации.

Поэтому ИГ₂ можно опустить, не нарушив приемлемости высказывания или его интерпретируемости. Ср. трансформации (78) без ИГ₂.

- (80) Придет день, милая Ло, когда ты поймешь многие чувства и положения.
Un giorno, Lo, capirai molte emozioni e molte situazioni.

Пример (77), несмотря на свою структурную близость с определительно-репрезентирующим оборотом, имеет иную семантическую структуру: референт ИГ *такие растения* задается придаточным, а ИГ *лишайники* лишь называет элемент, принадлежащий множеству растений, признаки которых заданы в придаточном. ИГ₁ и ИГ₂ имеют самостоятельных референтов, отсюда и совместимость с экземплификацией. Но в основе связи между ИГ₁ и ИГ₂ лежит прежде всего механизм сравнения⁷.

3.2.4. Спецификация через конкретный случай

Показатели данного вида спецификации, итал. *nella fattispecie* (от лат. *facti species* букв. ‘вид факта’) и в гораздо меньшей степени грамматикализованное русск. *в данном (конкретном) случае*, принадлежат к официально-деловому стилю речи. Если итальянский ПС вошел в итальянский язык уже в XVIII в., то русские лексикографические источники не фиксируют *в данном (конкретном) случае* как устойчивую языковую единицу.

Особенность данного вида спецификации заключается в том, что общее положение конкретизируется через частный случай, о котором идет речь в данный момент, который сейчас интересует говорящего.

- (81) PAROLACCE FRA I RAGAZZI. Ormai anche la tv ne è piena: nei reality, nei talk show e anche in altre trasmissioni (...). Le parolacce al giorno d'oggi sembrano essere entrate nel nostro vocabolario abituale, *nella fattispecie* in quello di noi giovani.
‘Бранные слова среди молодежи. Они встречаются уже даже в телевизионных передачах: в реалити-шоу, в ток-шоу и даже в других передачах (...). Бранные слова сегодня, похоже, вошли в наш обиходный язык, *в данном случае* в наш язык, язык молодежи’ [PEC: tema scolastico 2011].

- (82) Можно также вылепить рельеф из пластилина, чтобы лучше почувствовать его форму. Делают заготовку из здоровой без сучков древесины (*в данном случае* липы) влажностью не выше 5% [Татьяна Матвеева. Реставрация столярно-мебельных изделий (1988)].

Так, в (81) текст посвящен проблеме бранных слов в языке молодежи (об этом говорит его название). В последней фразе его автор от обобщающей ИГ (т. е. обозначающей множество объектов или возможных проявлений) *наш обиходный язык* переходит к конкретному проявлению, которое его интересует в данный момент: *язык молодежи*. То же в (82): обобщающей ИГ *здоровая древесина* (которая может быть разных пород) автор переходит в конкретной ИГ *липа*, которая интересует его в рамках данного текста. Как итал. *nella fattispecie*, так и русск. *в данном (конкретном) случае* осуществляют здесь экстенциональную спецификацию.

Однако оба выражения имеют еще одно употребление. Ср.:

- (83) Entrambi i sistemi sono equipaggiati con una GPU PCI Express, *nella fattispecie* la Radeon X600 Pro per il primo modello e la Radeon X600XT per il secondo.
‘Обе системы оснащены видеокартой типа GPU PCI Express: *в данном случае* Radeon X600 Pro для первой модели и Radeon X600XT для второй’ [PEC: Wikipedia 2010].

⁷ Об условиях возникновения той или иной интерпретации, возможности мены показателей *такой... как и как* см. работы [Delabre 1984; Fuchs, Le Goffic 2005], в которых эти вопросы рассматриваются на материале французского языка.

- (84) Испанское общество по сей день возглавляется харизматической фигурой, в данном конкретном случае королем, единственным в современной Европе монархом, который не только царствует, но и правит [Денис Креленко. Испания — Россия: тайное тяготение (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.10.02].

Здесь итал. *nella fattispecie* и русск. *в данном (конкретном) случае* выражают уже интенциональную спецификацию: референт ИГ₁ сохраняется в ИГ₂, которая лишь уточняет его. В (83) системой типа «GPU PCI Express» в первом интересующем нас конкретном случае является «Radeon X600 Pro», а во втором — «Radeon X600XT»; в (84) харизматическая фигура, рассматриваемая как тип правителя, возглавляющая по сей день Испанию, — это не кто иной, как король. Выбор элемента, вводимого ПС, осуществляется не из реального множества, обозначенного в предыдущем контексте ИГ₁, а из множества виртуального.

Таким образом, особенности данного вида спецификации заключаются в следующем:

I) спецификация, выражаемая итал. *nella fattispecie* и русск. *в данном (конкретном) случае* может быть как экстенциональной, так и интенциональной в зависимости от семантической природы ИГ₁;

II) она совместима с виртуальными множествами, создаваемыми ИГ₁ с неконкретной референцией;

III) выбор элемента из множества происходит на основе тематического принципа: он является темой текста, то есть тем, что интересует говорящего в данный момент;

IV) из этого следует, что выбранный элемент не может быть заменен другими элементами того же множества и

V) данный вид спецификации не имеет скалярной семантики.

3.3. Исчерпывающая экстенциональная спецификация

Исчерпывающая спецификация реализуется по модели ИГ₁, ИГ_{2/1} + ИГ_{2/2} + ... + ИГ_{2/n}, где знак «+» означает, что слагаемые «специфицируют» ИГ₁ совокупно, все вместе: они представляют собой перечисление, исчерпывающий список, по одному, как в (85), или объединенные в подвиды, как в (10) выше (*розы: три розы цвета бордо и четыре сливочно-белые*), по типу или числу элементов, принадлежащий множеству *A*, названному ИГ₁. Исчерпывающая экстенциональная спецификация, следовательно, есть исчерпывающий список элементов, представляющий множество *A*.

- (85) Было у верховного бога четыре сына: Вау, Ах, Бах и Гэ [Запись в LiveJournal-сообществе zagadki (2004)].

На письме список элементов, составляющих множество *A*, вводится двоеточием, как в приведенных выше примерах. ИГ₁, в свою очередь, может содержать числительное, как в (85), или суммирующий квантификатор: русск. *всего* и итал. *in tutto* (а также устойчивое выражение *in tutto per tutto*), за которым следует числительное.

- (86) Окошек *всего пять*: три раздаточных обших, одно для тех, кто по списку кормится (больных язвенных человек десять да по благу бухгалтерия вся), *ещё одно* — длявозврата посуды (у того окна дерутся, кто миски лижет) [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)].

Но и при отсутствии числительного, квантифицирующего ИГ₁, совокупность ИГ₂ понимается как исчерпывающий список при условии, что он не заканчивается многоточием или другими сигналами незавершенности; ср. в этом отношении (87) и (88).

- (87) Он весь дышал какой-то особенной бодростью под лучами солнца, а в руке был небольшой пучок запоздалых осенних цветов: клевер, тысячелистник и ещё какие-то [А. М. Хирьяков. Около Л. Н. Толстого (1909)].

- (88) Подходим к полке и достаём одну за другой написанные нашим другом книги: «Морские сказки», «Подводные приключения», «Леопард в скворечнике», «Детская морская энциклопедия» [Святослав Сахарнов // «Мурзилка», 2002].

Исчерпывающая экстенциональная спецификация может быть маркирована в русском языке союзом *как то*:

- (89) Как-то само собой получилось, что во время наших совместных прогулок **все** лёгкие дорожные траты, *как-то*: выпить воды, съесть мороженое, пройти в парк, а иногда и в кино, — правда, это было очень редко, — капитан сразу же взял на себя [Фазиль Искандер. Письмо (1969)].

Однако, по справедливому замечанию авторов статьи, посвященной *как то* в работе [ССС: 156], отношение спецификации создается не самим союзом, а соположением общего и частного, оформленного в виде списка. Союз лишь «акцентирует» смысл *сюда входит*, благодаря своей сравнительной семантике (см. выше раздел 3.2.3.2).

Случаи, подобные (88) и (90), то есть содержащие неисчерпывающее перечисление элементов, входящих во множество A , обозначенное ИГ₁, следует отнести к другому виду экстенциональной спецификации: дифференциальному выбору, немаркированному в (88).

- (90) По краям накрытого скатертью круглого стола (см. ниже рисунок под литерой А) расставляются небольшие тарелочки с различными закусками, нарезанными ломтиками, *как-то*: сыр, сиг, сёмга, ветчина, солонина, жареная дичь, колбаса, а также омары, икра, тёртый зелёный сыр, тёртая солонина, селёдка, кусочками нарезанная и приправленная горчиной подливкой, и т. д. [Елена Молоховец. Подарок молодым хозяйкам, или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве / Сервировка стола и блюд (1875–1900)].

Русск. (а) *именно*, специализирующееся на выражении интенциональной спецификации, также совместимо с перечислением закрытым списком; см. (92) ниже.

3.4. Интенциональная спецификация

3.4.1. Конкретизирующая интенциональная спецификация

Интенциональная спецификация, как и экстенциональная, неоднородна по своей семантике. Характеризующий ее общий механизм — переход от общего наименования к конкретному при сохранении тождества их референции — приводит к разным результатам в зависимости от семантики общего понятия, а также от соотношения семантики общего и специфицирующего наименования.

Прежде всего, можно выделить такие семантические структуры, в которых общее понятие выражено словами «неопределенно-обобщающей семантики» [Прияткина 2007: 183]: именем с отвлеченным значением, например *проблема, задача* и др. (91), неопределенным местоимением (93), квантификатором с неопределенной семантикой, например *много, мало, немного* (92) или же указательным местоимением, референт которого задан относительным придаточным (94).

- (91) Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, *именно*: теорию классовой борьбы [В. И. Ленин. Карл Маркс (1913)].
- (92) Ни комнаты, ни вещей его не печатавали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, *именно*: пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот [Николай Гоголь. Шинель (1842)].

Né alla sua stanza né alle sue cose vennero apposti i sigilli, in quanto in primo luogo non c'erano eredi, e in secondo luogo era rimasta ben poca eredità, *e precisamente*: un mazzo di penne d'oca, dieci quinterni di carta statale, tre paia di calzini, due o tre bottoni staccatisi dai pantaloni, e il vestaglione già noto al lettore [Nikolaj Gogol'. La Mantella (Serena Prina, 1994)].

- (93) Действительно, в общем виде Петра Петровича поражало как бы что-то особенное, *a именно*, нечто как бы оправдывавшее название «жениха (...)» [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].
Effettivamente, nell'aspetto generale di Pëtr Petròvič c'era qualcosa di speciale — *precisamente* ciò che sembrava giustificare la qualifica di «fidanzato (...)» [Fedor Dostoevskij. Delitto e castigo (Giorgio Kraiski)].
- (94) В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, *a именно*: состояние мировой мысли и поэзии, и то, что ей предназначено в будущем (...) [Борис Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)].
In quei momenti Jurij Andrèevich sentiva che non era lui a compiere il lavoro essenziale, ma qualcosa più grande di lui, al di sopra di lui, lo guidava: la situazione del pensiero e della poesia nel mondo, ciò che alla poesia era riservato dall'avvenire (...) [Boris Pasternak. Il dottor Zivago (Pietro Zveteremich)].

По поводу последнего примера следует уточнить, что, в отличие от собственно катафоры (95), которая задает референт местоимения и при которой катафорическое выражение является необходимым и с грамматической точки зрения, при спецификации референт местоименной группы уже задан, а фрагмент текста, вводимый ПС, лишь конкретизирует его семантику, не являясь необходимым ни с грамматической, ни с семантической точки зрения, поэтому такие катафорические структуры выходят за рамки отношения спецификации.

- (95) Роли распределились *так*: об эмоциях — на русском, об учёбе, быте и делах административных — на французском, о бизнесе на английском [Запись LiveJournal (2004)].

Напротив, к отношению спецификации можно отнести семантические конфигурации с сирконстантами времени (96) и места (97), а также с качественными прилагательными и наречиями (98), которые можно квантифицировать (*медленно, длинный* и др.).

- (96) Voleva dire il Grande Convoglio che una volta all'anno, *precisamente* il 12 settembre, portava alla Capitale un carico d'oro, tutte le tasse delle provincie del sud.
'Он имел в виду Большой Конвой, который раз в год, *a именно* двенадцатого сентября, отвозил в столицу груз золота — подати, собранные в южных провинциях' [Dino Buzzati. L'assalto al Grande Convoglio (1942)].
- (97) Рассмотрев ее хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух-трех местах, *именно* на спине и на плечах, она сделалась точная серпянка; сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расплзлась [Николай Гоголь. Шинель (1842)].
Dopo averlo esaminato ben bene a casa sua, scoprì che in due o tre punti, e precisamente sulla schiena e le spalle, si era ridotto un vero setaccio: il panno era liso così che ci si vedeva attraverso, e la fodera era tutta sfilacciata [Nikolaj Gogol'. Il Cappotto (Leone Pacini-Savoj, 1957)].
- (98) Слишком долго, *a именно* весь день, ждал он того момента, когда можно будет выйти из роли и расслабиться [Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)].

Основным показателем этого вида спецификации является в русском языке (*a*) *именно*, а в итальянском (*e*) *precisamente*, хотя данные параллельного корпуса показывают, что довольно часто *a именно* при переводе опускается, как в (94) выше.

3.4.2. Собственно уточнение

При собственно уточнении референт общего наименования уже задан. Сюда относятся, прежде всего, случаи типа (5) и (6) выше, где ИГ₁ является описанием общего, родового характера с неконкретной референцией, а ИГ₂ — наименованием более частного характера. При этом ИГ₁ и ИГ₂ находятся в отношении гиперонимии, но сохраняют тождество референции. Такой вид интенциональной спецификации будет, как правило, реализован без ПС.

Понятия, обозначаемые ИГ₁ и ИГ₂, могут находиться в отношении меронимии: объект, обозначенный ИГ₂, является частью объекта, обозначенного ИГ₁. При таком семантическом соотношении общего и специфицирующего понятий ИГ₁ может иметь конкретную определенную референцию. Так, в (99) *кора головного мозга* является частью *центральной нервной системы*, а в (100) *язык* является частью *ротовой полости*.

(99) Эти функции берёт на себя центральная нервная система, *a точнее* — кора головного мозга [Валерия Фейгина. Все болезни от нервов (2003) // «100 % здоровья», 2003.01.15].

(100) — *Eccoli davvero! — disse dentro di sé; e non sapendo dove nascondere i quattro zecchini, se li nascose in bocca e precisamente sotto la lingua* [Carlo Collodi. Pinocchio (1883)].
«Это и есть грабители!» — подумал он и, не зная, куда спрятать четыре цехина, сунул их себе в рот, под язык [Карло Коллоди. Приключения Пиноккио (Э. Казакевич, 1959)]

Как можно заметить, данный вид спецификации может быть немаркирован, как в русском переводе (100), так и иметь ПС, в этом случае (*a*) *точнее* или (*e*) *precisamente*. При наличии цифрового обозначения в общем или специфицирующем наименовании в итальянском языке может употребляться также ПС *esattamente* ‘точно’. В таком случае специфицирующая величина должна находиться в интервале, отмеченным более общим обозначением.

(101) *No cominciato il viaggio poco più che trentenne e più di otto anni sono passati, esattamente otto anni, sei mesi e quindici giorni di ininterrotto cammino* [Dino Buzzati. I sette messaggeri (1942)].

Свое путешествие я начал, когда мне было немногим больше тридцати, и вот уже восемь с лишним лет, *a точнее*, восемь лет шесть месяцев и пятнадцать дней я постоянно нахожусь в дороге [Дино Буццати. Семь гонцов (Ф. Двин)].

Русский язык и здесь может использовать ПС (*a*) *точнее* (*говоря*).

В том случае, когда между понятием, названным ИГ₁, и понятием, названным ИГ₂, не могут быть установлены отношения гиперонимии или меронимии, отношение спецификации превращается в отношение коррекции, как в (102):

(102) *Казалось бы, тут было, над чем задуматься, и я непременно задумался бы, не будь я так занят собственными делами, a точнее* — переживаниями [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

Менее адекватное описание действительности (в данном случае «собственные дела») заменяется более адекватным, с точки зрения говорящего, ее описанием («собственные переживания»).

Заметим также, что как русск. (*a*) *точнее*, так и итал. (*e*) *precisamente* являются полисемичными ПС и могут в определенном контексте выражать и экстенциональную спецификацию, как в (103), где выбор элемента *B* «крупные предприниматели...» из множества *A* «московские купцы» осуществляется на основе большей точности.

(103) Я имею в виду московских купцов, *a точнее* крупных предпринимателей и «торговых людей», добившихся больших успехов в своем деле в Москве в XIX веке [Иосиф Гольдфаин. Москва — инкубатор талантов // «Знание — сила», 2012].

Результаты проведенного анализа представлены на схеме.

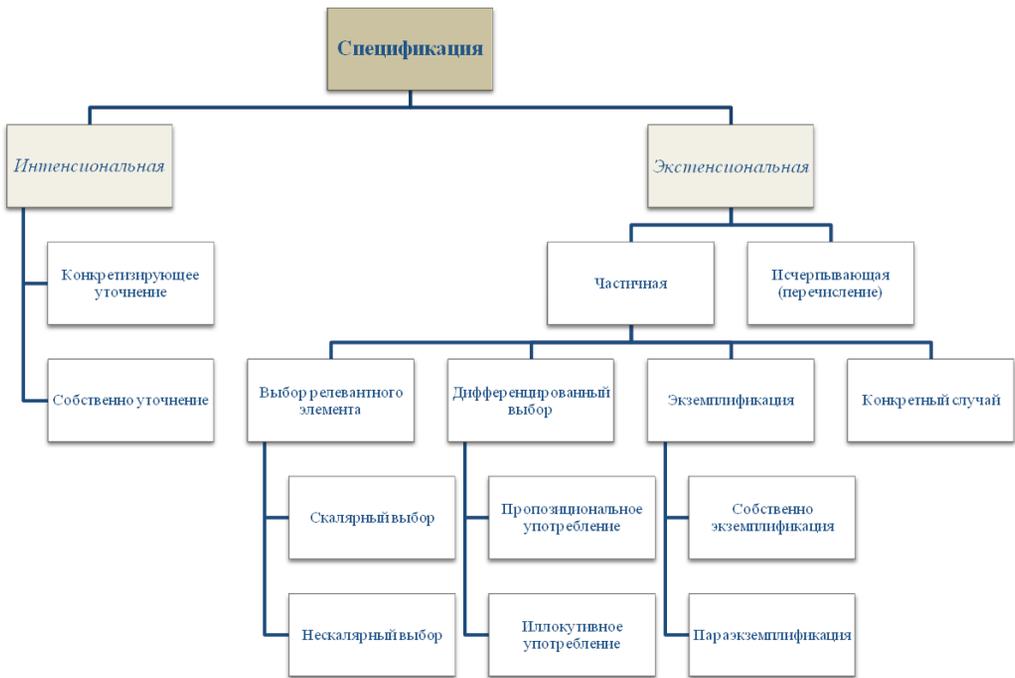

Схема. Спецификация и ее виды

4. Заключительные замечания

Анализ спецификации и ее показателей в русском и итальянском языках позволил выявить универсальные закономерности, касающиеся ее общего семантического механизма, а также различия в функционировании ее показателей как в каждом из сопоставляемых языков, так и на межязыковом уровне. Теоретически важным оказывается предложенное различие между двумя проявлениями спецификации: *in praesentia* и *in absentia*, поскольку оно позволяет провести границу между интенциональной и экстенциональной спецификацией.

Проведенный анализ также позволяет более четко определить спецификацию и выделить ее из общей группы отношений, которые, например, в русской грамматической традиции объединяются под рубрикой «пояснение», а в других классификациях — в довольно разнородной группе, носящей имя «Elaboration», то есть «детализация». Спецификация как переход от общего к частному или от множества к одному из его элементов отличается, прежде всего, от принадлежащего к этой же группе отношения переформулирования как поясняющего (*то есть*), так и перифрастического (*иначе говоря*). Первое, в отличие от показателей спецификации, совместимо не только с переходом от общего к частному, но и с переходом от частного к общему, точнее, от более конкретного к менее конкретному (ср. *Мы собрали пятьдесят тысяч рублей, то есть столько, сколько требовалось — Мы собрали пятьдесят тысяч рублей, ?а именно столько, сколько требовалось*), а второе требует при переходе от ИГ₁ к ИГ₂ сохранения как экстенционала именных групп, так и их интенционала, что несовместимо с отношением спецификации (ср. *снижение гемоглобина в крови, иначе говоря, анемия — снижение гемоглобина в крови, *а именно / *в частности / *средне*

*прочих / *например / *в данном случае, анемия*). Вместе с генерализацией спецификация может быть отнесена к особой группе логико-семантических отношений — мерееологическим отношениям, в основе которых лежит операция соотнесения элемента и множества или общего и частного.

Анализ спецификации был проведен в основном на примере наиболее простой с концептуальной точки зрения синтаксической структуры, в которой ПС связывает две именные группы. Дальнейшим направлением анализа должно стать исследование спецификации, вовлекающей в свою реализацию более сложные семантические конфигурации, ее языковых показателей и ее функций в общей структуре текста, ее совместимости с другими логико-семантическими отношениями. Так, фрагмент текста, который мы приводим в (104) и в котором спецификации отведена ведущая роль, имеет довольно сложную структуру.

(104) (а) Ко всему этому с годами возвратилась какая-то ребяческая робость, ожидание опасности и зла от всего, что не встречалось в сфере его ежедневного быта, — следствие привычки от разнообразных внешних явлений. (б) Его не пугала, *например*, трещина потолка в его спальне: он к ней привык; не приходило ему тоже в голову, что вечно спертый воздух в комнате и постоянное сиденье взаперти чуть ли не губительнее для здоровья, нежели ночная сырость; что переполнять ежедневно желудок едой своего рода постепенное самоубийство; но он к этому привык и не пугался. (в) Он не привык к движению, к жизни, к многолюдству и суете. (г) В тесной толпе ему было душно; в лодку он садился с неверною надеждою добраться благополучно до другого берега, в карете ехал, ожидая, что лошади понесут и разобьют. (д) Не то на него напал нервический страх: он пугался окружающей его тишины или просто и сам не знал чего — у него побегут мурашки по телу. (е) Он иногда боязливо косится на темный угол, ожидая, что воображение сыграет с ним штуку и покажет сверхъестественное явление. (ж) Так разыгралась роль его в обществе [И. А. Гончаров. *Обломов* (1848–1859)].

Высказывание (а) представляет собой скрытое противопоставление, выраженное отрицанием: робость и ожидание опасности вызывает у Обломова только то, что **не** встречалось ему в каждодневности. Далее оба эти аспекта — робость и ожидание, с одной стороны, и то, к чему Обломов привык и не привык, с другой, — оказываются предметом экземплификации. Начинается она с примеров каждодневных событий. И если первый ряд примеров (б) маркирован специальным показателем (*например*), то второй, иллюстрирующий страхи Обломова и начинающийся в (г), — нет. Переходом к этой второй группе примеров служит высказывание (в), которое перечисляет те вещи, к которым Обломов не привык (т. е. вторая составляющая противопоставления). Экземплификация в (г) начинается, однако, не в порядке следования перечисленных в (в) элементов (*движение, жизнь, многолюдство и суета*), а с третьего из них. Следующие же примеры прямо не связаны с остальными элементами, перечисленным в (в). Граница этого второго ряда примеров не очевидна: надо ли отнести к нему все, что предшествует заключительному высказыванию (ж) или же (д) и (е) являются примерами *нервического страха* Обломова; см. присутствующие в них элементы *пугался* и *боязливо*, которые иллюстрируют робость Обломова, о которой говорится в (а)? Интересным представляется также вопрос о том, как говорящий возвращается к основной канве изложения после введения двух серий примеров.

Еще одной из перспектив исследования является описание показателей спецификации: многие из них имеют синонимы, различие между которыми необходимо установить. Оставаясь в рамках экземплификации, приведем синонимический ряд, который можно составить по данным словарей: *например, так, взять, хоть, скажем, положим*, а также их сочетания *взять хоть (возьми хоть), хоть например, так например, вот например, вот хоть* и др. Вполне понятно, что различия между этими показателями не только стилистические. Сформулированные теоретические положения могут быть положены в основу их анализа, в том числе контрастивного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorgpora.ru>.
- НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- ССС — Прияткина А. Ф., Стародумова Е. А., Сергеева Г. Н., Зайцева Г. Д., Окатова Н. Т., Токачук И. Н., Крылова Г. М., Жукова Т. А., Петроченко Т. В., Завьялов В. Н. Словарь служебных слов русского языка. Владивосток: ДВГУ, 2001.
- GDLI — Battaglia S. *Grande Dizionario della Lingua Italiana*, diretto da G. Bàrberi Squarotti, Torino: UTET, 1961–2004.
- PEC — Perugia corpus. Università per Stranieri di Perugia // <https://www.unistrapg.it/cqpweb>.
- SC — *Il Sabatini Coletti. Dizionario della lingua italiana*. Milano: RCS Libri — Divisione Education, 2013 (1^a ed. Firenze: Giunti, 1997).
- VLI — Duro A. (a. c. di). *Vocabolario della lingua italiana*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1986–1994.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Инькова 2017 — Инькова О. Ю. Генерализация: определение, текстовые функции, показатели (на материале русского, французского и итальянского языков // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 52–82. [Inkova O. Generalization: Definition, discourse functions, markers (in Russian, French, and Italian). *Voprosy jazykoznanija*. 2017. No. 3. Pp. 52–82.]
- Инькова, Манзотти 2017 — Инькова О., Манзотти Э. *Tra l'altro, между прочим, entre autres*: сходства и различия // Съпоставительно езигознание. 2017. № 4. С. 35–47. [Inkova O., Manzotti E. *Tra l'altro, mezhdu prochim, entre autres*: Similarities and differences. *S''postavitelno ezikoznanie*. 2017. No. 4. Pp. 35–47.]
- Москальская 1981 — Москальская О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1981. [Moskal'skaya O. I. *Grammatika teksta (posobie po grammatike nemetskogo yazyka dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov: Uchebnoe posobie* [Grammar of the text (German grammar for foreign languages universities and schools: A schoolbook)]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981.]
- Николаева 2012 — Николаева Т. М. О чем на самом деле написал Марсель Пруст? М.: Языки славянской культуры, 2012. [Nikolaeva T. M. *O chem na samom dele napisal Marsel' Prust?* [What did Marcel Proust actually write about?]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2012.]
- Откидич 2017 — Откидич Е. В. Между прочим // Шереметьева Е. С., Стародумова Е. А., Тюрин П. М. (отв. ред.). Служебные слова в лексикографическом аспекте. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2017. С. 263–275. [Otkidych E. V. *Mezhdu prochim*. *Sluzhebnye slova v leksikograficheskom aspekte*. Sheremet'eva E. S., Starodumova E. A., Tyurin P. M. (eds.). Vladivostok: Far Eastern Federal Univ., 2017. Pp. 263–275.]
- Пайар 1998 — Пайар Д. Именно // Киселева К., Пайар Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998. С. 285–293. [Paillard D. *Imenno*. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya*. Kiseleva K., Paillard D. (eds.). Moscow: Metatekst, 1998. Pp. 285–293.]
- Прияткина 2007 — Прияткина А. Ф. Конструкции с пояснительными союзами // Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007. С. 180–188. [Priyatkina A. F. *Constructions with explanatory conjunctions*. Priyatkina A. F. *Russkii sintaksis v grammaticheskom aspekte (Sintaksicheskie svyazi i konstruktii)*. *Izbrannye trudy*. Vladivostok: Far Eastern Federal Univ. Publ., 2007. Pp. 180–188.]
- РГ-80 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]: In 2 vol. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Рождественский 2004 — Рождественский Ю. В. Теория риторики. М.: Наука, 2004. [Rozhdestvenskii Yu. V. *Teoriya ritoriki* [A theory of rhetoric]. Moscow: Nauka, 2004.]
- Ansamble 1996 — Anscombe J.-Cl. *L'opposition surtout / particulièrement et la structuration discursive. Dépendence et intégration syntaxique*. Muller Cl. (éd.). Tübingen: Niemeyer, 1996. Pp. 245–256.

- Anscombe 2001 — Anscombe J.-Cl. *Surtout et particulièrement*: Le traitement des particules pragmatiques dans le cadre de la théorie des stéréotypes. *Quaderns de Filologia. Estudis Lingüistics*. 2001. Vol. 6. Pp. 1–22.
- Antos 1982 — Antos G. *Grundlagen einer Theorie des Formulierens. Textherstellung in geschriebener und gesprochener Sprache*. Tübingen: Niemeyer, 1982.
- Blakemore 1996 — Blakemore D. Are apposition markers discourse markers? *Journal of Linguistics*. 1996. Vol. 32. Pp. 325–347.
- Borillo 1996 — Borillo A. Repérage automatique et identification de la relation lexicale d'hyperonymie. *LINX*. 1996. Vol. 34–35. Pp. 113–124.
- Breindl et al. 2014 — Breindl E., Volodina A., Waßner U. H. *Handbuch der deutschen Konnektoren 2. Semantik der deutschen Satzverknüpfers*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Crévenat-Werner 2003 — Crévenat-Werner D. Quand notamment engage la partie. *Actes du colloque international de Metz* (18, 19, 20 mars 1999). Combettes B., Schnedecker C., Theissen A. (éds.). Paris: Honoré Champion, 2003. Pp. 169–183.
- Delabre 1984 — Delabre M. Comme opérateur d'inclusion référentielle. *Linguisticae Investigationes*. 1984. Vol. VIII. No. 1. Pp. 21–36.
- Fuchs, Le Goffic 2005 — Fuchs C., Le Goffic P. La polysémie de 'comme'. *La Polysémie*. Soutet O. (éd.). Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2005. <halshs-00067939>
- Gulich, Kotschi 1987 — Gulich E., Kotschi Th. Reformulierungshandlungen als Mittel der Textkonstitution. Untersuchungen zu französischen Texten aus mündlicher Kommunikation. *Satz, Text, sprachliche Handlung*. Motsch W. (Hrsg.). Berlin: Akademie-Verlag, 1987. Pp. 199–261.
- Hermoso Mellado-Damas 2015 — Hermoso Mellado-Damas A. Étude de l'adverbe *spécialement* en tant que focalisateur événementiel. *Cédille. Revista de estudios franceses*. 2015. Vol. 11. Pp. 231–249.
- Inkova 2017 — Inkova O. Le relazioni logico-semantiche tra gli enunciati: una proposta di classificazione. *Studi di linguistica slava*. Di Filippo M., Esvan F. (a c. di). Napoli: Il Torcoliere. Pp. 105–124.
- Lausberg 1990 — Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990.
- Manzotti 1993 — Manzotti E. L'esemplificazione. Natura e funzioni di un procedimento di composizione testuale. *L'italiano (e altre lingue). Strumenti e modelli di analisi*. Bonini V., Mazzoleni M. (a c. di). Pavia: Gianni Luculano Editore, 1993. Pp. 47–98.
- Manzotti 1995 — Manzotti E. Aspetti linguistici della esemplificazione. *Versus*. 1995. Vol. 70–71. Pp. 49–114.
- Manzotti 2015 — Manzotti E. Generalizzando. *Testualità. Fondamenti, unità, relazioni*. Ferrari A., Lala L., Stojmenova R. (a c. di). Firenze: Franco Cesati Editore, 2015. Pp. 205–231.
- Meyer 1992 — Meyer C. F. *Apposition in contemporary English*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
- Motsch, Pasch 1987 — Motsch W., Pasch R. Illokutive Handlungen. *Satz, Text, sprachliche Handlung*. Motsch W. (Hrsg.). Berlin: Akademie-Verlag, 1987. Pp. 11–79.
- Perelman, Olbrachts-Tyteca 1958 — Perelman Ch., Olbrachts-Tyteca L. *Traité de l'argumentation: La nouvelle rhétorique*. Paris: Presses Universitaires de France, 1958.
- Prasad et al. 2008 — Prasad R., Dinesh N., Lee A., Miltsakaki E., Robaldo L., Joshi A., Webber B. The Penn Discourse TreeBank 2.0. *Proceedings of the 6th International Conference on language Resources and Evaluation (LREC 2008)*. Calzolari N., Choukri K., Maegaard B., Mariani J., Odjik J., Piperidis S., Tapias D. (eds.). Paris: European Language Resources Association (ELRA), 2008. Pp. 2961–2968.
- Sainz 2012 — Sainz E. *Tra l'altro*: conexión y focalización. Análisis contrastivo con el español. *Cuadernos de Filologia Italiana*. 2012. Vol. 19. Pp. 41–68.
- Vázquez-Molina 2013 — Vázquez-Molina J. Les particularités de *particulièrement*. *Revue de Sémantique et Pragmatique*. 2013. Vol. 33–34. Pp. 269–283.
- Vergez-Couret 2009 — Vergez-Couret M. Le rôle de l'adverbe *notamment* dans la mise en œuvre des relations de discours. *French Language Studies*. 2009. Vol. 19. Pp. 249–268.
- Vergez-Couret 2013 — Vergez-Couret M. Étude du comparatif nu *plus particulièrement* dans la mise en œuvre des relations de discours. *Travaux de Linguistique*. 2013. Vol. 67. Pp. 91–113.
- Weinrich 1993 — Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Unter Mitarbeit von Thurmair M., Breindl E., Willkop E.-M. Mannheim: Dudenverlag, 1993.
- Wunderlich 1976 — Wunderlich D. *Studien zur Sprechakttheorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976.